

РЕЙЧЕЛ КЕЙН ПЕПЕЛ И ПЕРО

18+

ЗНАНИЯ МОГУТ УБИТЬ

Рейчел Кейн
Пепел и перо
Серия «Young Adult. Великая
библиотека», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69918544
Рейчел Кейн. Пепел и перо: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-195011-8

Аннотация

Армия Уэльса нарушила договор о перемирии и разграбила ценные книги. Теперь Библиотека будет жестоко наказывать всех, кто проявляет непокорность.

Джесс Брайтвелл и его друзья бежали из Лондона, но попали в плен к поджигателям. Эта опасная группировка собирается уничтожить Библиотеку и остановить ее многолетнюю тиранию. Ради достижения своей цели они готовы бросать в огонь неповинных людей.

Но, несмотря на все зло, Великая библиотека слишком ценна, чтобы позволить ей погибнуть. Поэтому Джесс с друзьями решают ее спасти и построить печатную машину, которая сделает книги доступными для всех.

Успеют ли они осуществить свой план? Времени совсем не осталось.

Содержание

От автора	6
Записки	7
Записки	10
Глава первая	11
Записки	42
Глава вторая	45
Записки	102
Глава третья	104
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Рейчел Кейн

Пепел и перо

Rachel Caine

ASH AND QUILL

ASH AND QUILL © 2017 by Rachel Caine LLC

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Посвящается всем тем, кто встречает
перемены без страха.*

Идет вперед.

*Посвящается извечно преобразяющемуся
величию общественных библиотек,*

без которых все мы были бы куда ничтожнее.
Никто, у кого есть книга, никогда не будет
одинок,
даже в самые темные времена.
Все мы любим книги.
И все мы, от одной книги к другой,
ищем свою Великую Александрийскую
библиотеку

От автора

Невозможно перечислить каждого из всех тех, кто поддерживал меня и помогал в написании данной истории, однако мне все же хочется отдельно отметить Энн Совардс, которая разглядела здесь книгу даже лучше той, какую представляла я, и которая вдохновила меня стремиться к этой лучшей версии.

Однако *особых* благодарностей заслуживают мои фантастические волонтеры и бета-ридеры: Захдия Анвер, Фаузия Али, Захира Халик, Мона Мохаммед и Сайда.

За любые ошибки вина на мне. Все чудеса – их заслуга.

Записки

Текст письма Верховного архивариуса, главы Великой библиотеки Александрии, командиру военной части Великой библиотеки. Письмо в Кодексе не числится. Ограниченный допуск на чтение

Уэльская армия нарушила договор о перемирии, заключенный с Библиотекой, и бессовестно разграбила ценные книги, которые находились в распоряжении нашей дочерней библиотеки в Лондоне. Серапеум Святого Павла являлся памятником и священным хранилищем знаний, накопленных на протяжении сотен лет, и теперь они предъявляют на него права.

Мы простили им разрушение Оксфордского серапеума, списав это на несчастный случай, связанный с издержками войны. Но теперь? Теперь это уже слишком. Король Уэльса зашел слишком далеко, и пора ему указать на его ошибку.

Короли Уэльса и Англии обязаны немедленно возместить ущерб, или столкнутся с неприятными последствиями. Со всех фронтов приходят вести о разгорающихся против нас мятежах, так что следует их приструнить и взять под контроль все те королевства и страны, которые не признают наш авторитет.

Я не позволю более никому проявлять непокорность, и неважно, исходит ли она от иностранных королей или

же от наших собственных ученых.

Наказание за предательство – смерть.

Дополнение, написанное рукой архивариуса и адресованное руководителю отдела Артифекса

Меня мало волнуют провинциальные королевства и их разногласия, но Лондон – последнее место, где была замечена наша банда предателей-библиотекарей... к тому же рядом с серапеумом Святого Павла. Знаю, уэльсцы не особо нас жалуют, однако, под угрозой полномасштабной войны с нашими войсками, их выдадут. Если они до сих пор живы.

Рукописный ответ от руководителя отдела Артифекса

Один из последних библиотекарей, которому удалось спастись, видел их внутри серапеума Святого Павла, так что мы знаем, что тогда, по крайней мере, они еще были живы. Сбежали ли они в царящей суматохе или же оказались в братской могиле, выкопанной уцелевшими уэльсцами, посмотрим. Но я бы не стал списывать их как погибших. Кристоферу Вульффу следовало умереть давным-давно, однако никому из нас так и не удалось загнать его в гроб.

Что касается Вашего предыдущего запроса, не без сожаления, но считаю необходимым порекомендовать Григория на должность Верховного скрывателя. Знаю, он существо злобное, однако из других кандидатов у нас есть лишь Искандер. Пришлось выволочь его из

темницы, в которую он сам себя и заключил, чтобы взглянуть на него, так что могу с уверенностью сказать – он по-прежнему жив и здоров. И по-прежнему силен и готов сражаться, в этом сомневаться не приходится, но как он когда-то поклялся молчать, так ничего и не говорит. Ни слова. Невесть сколько лет назад пообещал стать для нас бесполезным, и мне кажется, выходит у него слишком хорошо. Не возлагайте на него надежды.

Он написал Вам записку. Я взял на себя смелость прочесть ее и могу сказать лишь, что он желает Вам смерти. Полагаю, он винит Вас в смерти Керии Морнинг, точно, как и его сын. Что ж, думаю, оба они не особо-то ошибаются на этот счет.

Не беспокойтесь о сбежавших. Мы пообещали немалые деньги в награду за их головы. Скоро даже их собственные родственники будут жаждать их сдать.

Записки

Текст письма руководителя лондонских поджигателей, адресованного Уиллингеру Беку, главе поджигателей города Филадельфии. Уничтожено после прочтения

Я отправляю Вам из устланного пеплом Лондона подарок: четверых полноправных ученых Великой библиотеки, награжденного немалым числом наград капитана Библиотечной армии и двух его солдат, а также... самое прекрасное... скрыватьельницу! Не просто полоумную, самопровозглашенную ведьму, а настоящую, обученную в Железной башне скрыватьельницу, обладающую такой силой, какой я и сам не видел прежде.

Однако это еще не все: они тоже придут с собственными подарками. Поговаривают, эти библиотекари располагают некой секретной информацией, которая способна навсегда уничтожить Великую библиотеку. Полагаю, уже Вам решать, как данную информацию из них выпытывать.

Желаю сил и смелости, брат мой.

Глава первая

Книги горели легко.

Бумага чернела от невыносимо высокой температуры, а затем вспыхивала жутким заревом по краям. Языки пламени обращали хрупкие краешки в пепел. А кожаные переплеты дымились, морщились и коптились, словно горящая плоть.

Джесс Брайтвелл наблюдал, как огонь взбирается по пирамиде из книг, и мысленно приказывал себе не вздрагивать, когда слой за слоем пламя пожирало фолианты. Его мозг лихорадочно производил произвольные вычисления: «Сотня книг в пяти слоях». Горящий нижний слой: «Сорок четыре уничтожены». Во втором слое было еще тридцать две книги, и они уже обращались в дым. В третьем было восемнадцать томов, а выше лежали еще пять. На вершине книжной пирамиды лежал одинокий томик, который точно дразнил, умоляя выхватить его из приближающегося к нему пламени. Его легко можно было бы спасти, отнять у спешащего на вершину огня, поглощающего книги слой за слоем, сжигающего что-то и в душе у Джесса, обращая его собственное сердце в дым и в то же время заковывая его в лед.

«Если бы я только мог спасти одну...»

Но Джесс не мог ничего спасти. В данный момент он не мог спасти даже себя.

Под палящим солнцем у Джесса ужасно разболелась го-

лова. Все по-прежнему было как в тумане. Он до сих пор помнил тот хаос, который царил в Лондоне, когда уэльская армия обрушила на город всю свою мощь, битву, которую даже он никогда не предполагал, что англичане проиграют. Он вспомнил завораживающий вид купола собора Святого Павла, объятых пламенем над ним, когда библиотекари спешили спасти то, что еще могли.

Джесс помнил, как его отец и брат, когда они были так ему нужны, повернулись спиной и сбежали.

И, самое главное – Джесс до сих пор помнил, что его заставили войти в телепортационный зал, помнил то тошнотворное чувство, будто все тело разрывается на части, а потом собирается вновь далеко-далеко от Лондона... здесь, в городе, принадлежащем поджигателям, в Филадельфии.

Его отправили в мятежные колонии Америки.

Джессу и его друзьям не дали времени прийти в себя. Они все еще чувствовали себя слабыми и разбитыми, а их тут же потащили куда-то, что, похоже, однажды служило спортивным стадионом. Быть может, в лучшие времена тут толпились аплодирующие болельщики. Однако теперь это был наполовину разрушенный стадион с изуродованными, расплавившимися бетонными стойками с одной стороны, а вместо покрытого зеленой травой поля в центре стояла голая земля с погребальным костром книг.

Джесс был не мог отвести взгляд от этих книг, пока те горели, потому что в голове вертелась лишь одна-единствен-

ная мысль: «Мы будем следующими».

– Джесс, – произнес профессор Кристофер Вульф, стоявший на коленях рядом с ним в грязи. – Это не подлинные книги. Это бланки. – Это была правда. Однако от взгляда Джесса не ускользнуло то, что Вульф тоже вздрогнул, когда взглянул на пожарище. И блеск в темных глазах профессора намекал на чистую и неподдельную ярость. Он был прав: бланки – это всего лишь пустая бумага и переплеты, которые создает Великая библиотека в Александрии, это только сосуды для наполнения словами, скопированными по команде с оригиналов, которые хранятся в безопасности в библиотечных архивах. То, что предали сегодня огню, являлось лишь пустым символом восстания. На любой территории, принадлежащей Библиотеке, бланки можно легко и дешево заменить, и ничто не будет утрачено.

Однако наблюдать за их смертью все равно было больно. Джессу привили любовь к книгам с детства, при всем при этом его семья занималась их контрабандой, продавала и зарабатывала отличные деньги на этом.

Слова являются священными, а все происходящее здесь сейчас было гнусной ересью.

Пока Джесс наблюдал, последняя книга сморщилась в зареве пожара, словно желая сжаться, сбегать и укрыться от огня. Однако потом ее края почернели, бумагу объел дым, и книга обратилась в пепел и прах.

Профессор Халила Сеиф стояла на коленях слева от

Джесса, выпрямила спину и молчала, словно статуя. Она выглядела совершенно спокойной, а руки уверенно лежали на бедрах, голову же она подняла высоко и гордо, и края хиджаба легонько развевались на горячем ветру. Под черной шелковой профессорской мантией на ней было простое, чудом не перепачкавшееся в грязи платье, лишь по краям юбки виднелись следы грязи и пепла, прилипшие во время их путешествия через Лондон. А вот Глен Уотен по сравнению с Халилой выглядела так, словно замерла лишь на мгновение, пока поднималась с колен: как ловкая воительница, вся в напряжении перед прыжком. Следом находился Томас Шрайбер, затем Морган Холт, а потом – последний и наименее значимый, по мнению Джесса, – Дарио Сантьяго. Изгой даже в их маленькой компании изгнанников.

Справа от Джесса расположился профессор Вульф, а рядом с профессором был капитан Санти. Из этих людей и состояла вся их группа заложников, и у них не осталось никакого оружия. У них не было и времени обменяться хоть словом. Однако Джесс сомневался, что кому-либо из них вообще есть что сказать.

Среди разрушенных трибун виднелись зрители: обыкновенные горожане Филадельфии. Разномастная толпа суровых мужчин, женщин и детей, которые выживали в голод, дефицит продуктов первой необходимости и под постоянными атаками противников. На их лицах не было ни капли сочувствия при виде холеных лиц слуг Великой библиотеки.

Что бы сказал им профессор Вульф, если бы у него была такая возможность? Сказал бы, что Библиотека до сих пор велика и важна и что ее необходимо спасать, а не уничтожать? Что тот рак, от которого она гниет изнутри, еще можно вылечить? Люди бы ни за что не поверили в это. Джесс сделал глубокий вдох и чуть не задохнулся от вони горящих книг. Воображаемый Вульф, подумал он, выдает отвратительные речи.

Вперед вышел мужчина, одетый в элегантно сшитый костюм из черной шерсти, загородив Джессу вид на погребальный костер. Он был высоким, в очках, и казался очень уверенным в себе. Пожалуй, можно было принять его за банкира или адвоката, будь все они в ситуации чуть лучшей, чем сложившаяся. Дым, черный на фоне бледно-голубого утреннего неба, казалось, поднимался прямо из его головы. А седые волосы напоминали своим оттенком пепел.

Уиллингер Бек. Избранный лидер поджигателей Филадельфии – и вообще всех поджигателей, повсюду, ведь этот город служил символом их фанатичного движения. И вот главный фанатик в движении, состоящем из одних лишь фанатиков.

Уиллингер внимательно посмотрел на каждого из них, но не сказал ни единого слова. Должно быть, ему нравилось наблюдать за их отчаянием.

– Какая впечатляющая трата ресурсов, – произнес профессор Вульф. Его голос звучал мрачно и непоколебимо, как

показалось Джессу. «Голос Вульфа всегда звучит одинаково, что бы ни происходило». – Это что, прелюдия, после которой сожгут и нас?

– Не говорите чепуху, – сказал Бек. – Я уверен, наши новые гости понимают могущество символики.

– Это варварство, – сказала Халила рядом с Джессом. – Преступная глупость.

– Мой дорогой профессор, мы здесь пишем свои собственные книги – на бумаге, которую спасаем, разбирая библиотечные бланки на части и уничтожая их алхимические переплеты. Вы называете нас варварами? А вы знаете, чьи символы носите? Вам не удастся вести себя так с нами. – На последней фразе его дружелюбный голос посуровел.

Джесс произнес:

– Заговорите с ней подобным тоном снова, и я переломаю вам колени. – Руки у Джесса не были связаны. Он мог спокойно двигаться, да и все они могли двигаться. Это означало, что все вместе они могут нанести немало вреда до того, как их поймают и скрутят охранники поджигателей, стоящие у них за спинами.

По крайней мере, теоретически. Джесс знал также, что охранник за его спиной был вооружен и что дуло автомата указывает ему прямо в шею, точно в то место, где можно моментально лишить человека жизни.

Однако слова Джесса привлекли как внимание Бека, так и его взгляд. «Это хорошо».

– Ну, хватит вам, – сказал Бек. Его голос снова зазвучал спокойно, хотя и с упреком. – В конце концов, нам следует быть друзьями. Мы с вами сходимся во мнении о том, что Великая Александрийская библиотека превратилась в разрушительного паразита. Она уже не какой-то там великий, неприкосновенный идол. И нам с вами незачем злиться друг на друга.

– Я не знаком с американскими обычаями, – сказал капитан Санти, находящийся рядом с Вульфом. Его голос звучал добродушно и спокойно, однако Джесс сомневался, что капитан прямо сейчас добродушен или спокоен. – Вот как вы здесь, значит, относитесь к друзьям?

– Учитывая, что лично вы в одиночку отправили троих моих людей в лазарет, когда прибыли, даже будучи без сил? Да, – ответил Бек. – Капитан Санти, мы здесь действительно противостоям Библиотеке так же, как мне сказали, как и вы. И нам всем следует противостоять ей. Библиотека делится с людьми жалкими крупницами знаний, а сама купается в океанах тех самых знаний. Уверен, вы и сами понимаете, как они таким образом манипулируют всем миром ради личной выгоды. – Он кивнул на черную мантию Вульфа. – Обычные люди называют вас, профессоров и ученых, по-другому: грозowymi воронами. Черные мантии уже не являются символом ваших знаний, и они не вызывают уважения. Они являются признаком хаоса и разрушений, которые вы приносите с собой.

– Нет, – сказал Вульф. – Мантия по-прежнему означает то, что означала всегда: что я готов умереть ради того, чтобы защитить знания этого мира. Может, я и ненавижу архивариуса, может, я и мечтаю избавиться от него и его алчности и жестокости, однако я по-прежнему верю в идеалы. Моя мантия является тому доказательством. – Он сделал паузу, а когда заговорил снова, его голос зазвучал мягко и в то же время с насмешливым презрением: – Вы же, как никто другой, понимаете толк в символике.

– О-о, понимаю, – сказал Бек. – Снимайте мантию.

Вульф вскинул подбородок, совсем чуть-чуть. Теперь он смотрел прямо на Бека. Его седеющие волосы развевались на горячем ветру от догорающей пирамиды, и Вульф, даже не моргнув, просто сказал:

– Нет.

– Последний шанс, профессор Вульф. Отрекитесь от Библиотеки сейчас, и все будет хорошо для вас. Она, конечно, не поддержит вас.

Бек кивнул кому-то за их спинами, и Джесс краем глаза увидел вынутый из чехла нож. Джесс попытался повернуться, однако кто-то тяжело опустил руку ему на плечо, и дуло автомата коснулось синяка у него на затылке.

Джесс уже не успеет никого спасти.

Один из охранников Бека схватил Вульфа за рукав черной мантии и разрезал шелковую ткань ножом, до самой шеи – левый рукав, затем правый, проворно и быстро. Словно

уличный фокусник, охранник сорвал с Вульфа мантию, оставив стоять на коленях в простой черной повседневной одежде. Охранник поднял над головой разорванные части мантии. На горячем ветру книжного пожарища шелк развевался, как разорванное знамя.

Выражение лица Вульфа никак не изменилось, однако Никколо Санти рядом с ним издал по-настоящему смертоносный рык и даже успел наполовину подняться с колен до того, как охранник за его спиной ударил тяжелой металлической дубинкой Санти по голове. От удара Санти снова упал на колени. Выражение его лица стало слегка потерянным, однако все равно опасным.

Мужчина, который содрал с Вульфа мантию, гордо промаршировал по кругу, словно напыщенный петух, и аплодисменты и возгласы на трибунах обратились в упоительные крики. Эти крики почти заглушили гневный треск горящих фолиантов. Бек проигнорировал возгласы и повернулся к Халиле.

– А теперь она, – сказал он.

Другой охранник подошел к молодой девушке, однако до того, как он успел воспользоваться ножом, Халила вскинула обе руки. Жест выглядел как приказ, а не признание в поражении, и охранник замер.

– Я сейчас встану, – сказала Халила. – Я не буду сопротивляться.

Охранник выглядел растерянным и покосился на Бека, ко-

торый вскинул брови, а затем кивнул.

Джесс напряженно наблюдал краем глаза, как Халила спокойно и грациозно поднимается на ноги. А потом Джесс увидел, как с другой стороны от нее Глен ведет себя точно так же, не скрывая, что готова драться, если Халила подаст хоть единый знак.

Однако Халила плавно и неспешно подняла руки и растегнула застежку на шее своей черной шелковой мантии. Она скинула ее с плеч, а затем аккуратно свернула.

Затем сделала шаг вперед и протянула свернутую шелковую ткань, поддерживая ее одной рукой, а другую положила сверху, словно королева, которая преподносит подарок своему слуге. Вот таким простым жестом она не только отняла у Уиллингера Бека его символ, но и сделала этот символ своим собственным. Джесса захлестнуло волной злорадного наслаждения, когда он увидел выражение лица Бека. Его обыграла девчонка на четверть младше его, и послевкусие такой проигрыш оставил горькое.

Однако Бек не собирался принимать поражение, не нанеся ответный удар. Джесс понял это в тот самый миг, когда Бек схватил мантию и швырнул ее в пылающую книжную пирамиду. С жалкой попыткой выказать презрение, однако это вызвало у Джесса боль, словно его ударили в живот. И он видел, как содрогнулась сама Халила... совсем чуть-чуть. Как и Вульф, она высоко подняла подбородок. Непримири-мо.

— Лишь трусы могут бояться какого-то куска ткани, — сказала она достаточно громко, чтобы ее голос слышали на трибунах. Ее глаза блестели: от гнева, не слез. — Быть может, мы не согласны с политикой архивариуса. Быть может, мы желаем его свергнуть и поставить на его место более достойных профессоров. Однако мы по-прежнему боремся за знания. Вы же боретесь впустую.

Взгляд Бека устремился куда-то за спину Халилы, он быстро кивнул, и в то же мгновение Халилу схватили, дернули и вынудили снова опуститься на колени. Она почти упала на землю, покосившись в сторону Джесса. Он инстинктивно протянул руку, чтобы ее поддержать, и их пальцы переплелись.

В этот самый миг Джесс понял, к чему все это было. Сняв свою мантию, Халила не просто выказала отказ подчиняться, она еще и отвлекла внимание на себя. Между пальцами она сжимала металлическую шпильку для волос, которую сняла со своего хиджаба.

Халила понимала, что в руках Джесса эта шпилька может быть не менее опасна, чем любое оружие.

Внезапно грудь Джесса наполнилось облегчением, и он быстро обменялся взглядом с Халилой, когда спрятал шпильку между собственных пальцев. «Она права, — подумал Джесс. — Рано или поздно нам придется вскрывать замки. Если мы доживем до этого момента».

Джесс отпустил руку Халилы и спрятал ее заколку в рука-

ве своей рубашки. Нужно будет найти место получше, где ее спрятать, однако пока и так сойдет.

Бек проигнорировал их. Теперь он был занят тем, что бросал мантию Вульфа в огонь. Потом мантии отняли и у Томаса, и у Дарио. Четыре мантии были брошены в огонь одна за другой, и воодушевленные зрители все это время с одобрением кричали и улюлюкали. Джесс предполагал, что шелк горит быстро, но вместо этого мантии начали дымиться, тлеть и коржиться, а потом наконец-то обратились в пепел и начали рассыпаться по краям. Никакого впечатляющего зрелища, что, кажется, разочаровало и Бека. Запах горелых волос смешался с мясной вонью горящих кожаных переплетов, и на мгновение Джесс вообразил, что на этом пепелище горит человеческое тело.

Тело одного из них.

— Ну а теперь мы можем начать заново, — сказал Бек, когда шелка обратились в горстку праха. — Вы больше не являетесь частью Библиотеки. И со временем вы поймете, что мы с вами братья и сестры.

— Если вы хотите убедить нас в этом, позвольте нам хотя бы встать, — сказал Санти, и Джесс уловил гнев в его голосе. Струйка крови текла по его острой скуле от линии роста волос, однако взгляд был ясным и сосредоточенным на Беке. — Позвольте нам встать и самим увидеть, насколько *братскими* могут быть наши узы.

— В свое время, — сказал Бек. — Всему свое время, капитан.

Джесс сглотнул и ощутил вкус пепла на языке. «Братскими». Ему не хотелось верить в то, что у него и его друзей – для которых эта война началась с личного выбора верности, а также взятия на себя риска большего, чем когда-либо в жизни, – есть что-то общее с поджигателями. Джесс их презирал даже несмотря на то что они тоже желали свободы для книг, свободы, где любой может владеть любыми книгами, какими пожелает. Джесс вырос контрабандистом, книжным воришкой, так что, конечно, он верил в те же идеалы.

Но в то же время он не был приверженцем убийств без разбора, а поджигатели были печально известны тем, что бросали в огонь как виновных, так и невинных, просто чтобы доказать свою точку зрения.

Великая библиотека же со всей своей великолепной историей и высокими идеалами обладала сердцем не менее гнилым. А быть может, сердце ее было даже еще хуже. Верховный архивариус, вероятно, и любил книги так же, как и Джесса, однако этот злой старик куда больше любил свою власть. Он и Курия являлись частью системы, которая пропиталась ядом еще сотни лет назад, когда один из прежних архивариусов, который давно умер, решил уничтожить новое изобретение и погубить создающих их ученых и профессоров, чтобы удержать власть в своих руках. И каждый архивариус с тех пор выбирает этот темный путь. Может, теперь они уже и не видели другого выхода.

Однако другой выход был. Библиотека была слишком цен-

на, чтобы позволять ей погибнуть, не попытавшись сохранить то добро, что еще оставалось в ее сердце. И если спасать ее придется лишь им восьмерым... что ж, это уже что-то.

Спасти что-либо, однако, вряд ли удастся. Джесс стоял на коленях посреди руин старого стадиона в городе, принадлежащем поджигателям, и его единственным оружием была шпилька для волос. И все же для преступника вроде Джесса шпильки будет достаточно.

– Теперь я задам вам вопрос, – произнес Бек, повысив голос так, чтобы его слышали все. Холодное эхо разнеслось по стадиону. – Готовы ли вы поклясться в верности нашему городу? Работать ради свержения Великой библиотеки, которая сжимает нас за горло, сжимает за горло каждого мужчину, женщину и ребенка на земле? Сделать все, что потребуется, чтобы добиться нашей общей цели?

Он прохаживался вдоль них. И теперь остановился перед Дарио Сантьяго.

Джесс забыл, как дышать, и затаил дыхание, потому что, если в их рядах и было слабое звено, то теперь Бек указывал прямо на него. Дарио всегда поступит так, как выгодно ему. Всегда. Теперь уже никто не ожидал от него ничего иного.

Дарио выглядел уставшим. После побега из Лондона на коже у него остались ожоги, как и у Джесса, в общем-то, и его привычное надменное поведение бесследно исчезло. Дарио выглядел побежденным.

Так что всех шокировало то, как Дарио поднялся на ноги,

посмотрел Беку прямо в глаза и произнес твердым, уверенным голосом, какой Джесс и помнил:

– Серьезно? Я что, похож на безмозглого поджигателя? Не обижайте меня подобными вопросами. – Потом он добавил что-то на родном испанском, сказав это так быстро, что Джесс не смог разобрать смысл слов, однако, судя по смеху, пронесшемуся по трибунам, ремарка была колкая.

Выражение лица Бека не изменилось. Он сделал шаг вперед. Следующей была Морган Холт, и она, как и Дарио, поднялась на ноги. Она не выглядела ни высокой, ни сильной. Ее волосы растрепались, и если она и была напугана, то никак не выдала своих чувств, когда произнесла:

– Нет. – Ясный, четкий и непоколебимый отказ.

Томаса держали на коленях, вероятно, опасаясь, что он может нанести немало ущерба, если его отпустить. И Томас ответил с широкой, милой улыбкой:

– Разумеется, нет, – ответ его показался почти что забавным.

Глен же определенно не выглядела забавной, и, так как ее тоже держали, она ответила грубым жестом и несколькими уэльскими словами. Джесс знал уэльский достаточно, чтобы понять смысл: «Да пошли вы». Вполне в духе Глен.

Халила снова поднялась на ноги. Как и Томас, она улыбнулась.

– Я ни в коем случае не соглашусь, – сказала она. – Как глупо с вашей стороны вообще спрашивать о подобном.

Джесс остался стоять на коленях. На самом-то деле выбор у него был невелик, потому что охранник у него за спиной прошептал:

– Встанешь, и я размажу тебя по земле.

Однако Бек даже не остановился, чтобы послушать, как Джесс сдавленно скажет «нет», и направился напрямик к Вульффу.

Вульфф ничего не сказал. Все это время он был спокоен и неподвижен, однако спокойствие его выглядело враждебно. Его ответ прозвучал резко и сдержанно:

– Никогда.

Следом за ним Санти обнажил зубы в дьявольской ухмылке.

– Вот вам наш ответ, – сказал он.

Бек так долго молча смотрел на них, что Джесс даже вспотел. Пирамида до сих пор горячо горела, и Бек выглядел как человек, который любит показательные выступления. Затем он наконец покачал головой и подозвал к себе женщину африканского происхождения, которая выглядела не менее способной и опасной, чем Глен. Женщина двигалась, как обученный солдат, хотя на ней не было никакой формы, лишь простая рубашка, штаны и тяжелые ботинки.

– Да будет так. Заприте их...

– Как же тепло нас встречают поджигатели, как я и ожидал, – сказал угрюмо Вульфф.

– ...и дайте распоряжение обращаться с ними вежливо, –

продолжил Бек. Но когда он покосился на Вульфа, за его напускным добродушием мелькнуло нечто грозное. Он был лидером в городе, который сражался в войне, однако, что еще хуже, он был истинным верующим. Фанатиком, который не станет колебаться, прежде чем убивать, калечить и уничтожать в попытках изменить мир, чтобы подогнать его под свои идеалы. – И общите их хорошенько. Никаких ошибок.

Джесс крепче сжал хрупкую шпильку для волос, которую воткнул в свой рукав. Ему нужно спрятать ее куда-то. Срочно.

Когда Джессу позволили наконец подняться на ноги, он понял, что ноги его не дрожат и в душе все спокойно. Что ж, по крайней мере это жуткое представление дало им время прийти в себя после телепортации и собраться с мыслями.

Филадельфия будет в каком-то смысле не менее опасной, чем Лондон, Рим или же Александрия. Но пока что было невозможно догадаться, чего захотят от них поджигатели или что им придется сделать, чтобы здесь выжить.

Однако все это не имеет значения. Мысль о том, что Джесс окажется сейчас за решеткой, его даже приободрила.

В конце концов, тюрьмы – как замки – созданы, чтобы их взламывать.

Охранники были не дураками, что плохо; они разделили друзей и по двое затолкали в камеры с решетками в длинном, невысоком каменном здании. Потолки были низенькими, а

туалеты неухоженными, однако Джесс бывал в ситуациях и похуже. Тут даже не так уж и плохо пахло. Может, в городе поджигателей низкий уровень преступности.

Но что важнее: замки на камерах были огромные, грубые и старые.

Немного постаравшись, друзьям Джесса удалось – незаметно – разбиться на отличные пары: Вульф с Санти, Глен с Халилой, Томас с Джессом. Дарио и Морган получили личную камеру, что отчасти вызвало у Джесса зависть. Но лишь отчасти, потому что Томасу может пригодиться помощь Джесса. Немец только-только сбежал из одной тюрьмы. Ему может понадобиться помощь, чтобы привыкнуть к другой.

– Общайте их как следует. Можете с ними не нежничать, – сказала высокая женщина – капитан Бека, как решил Джесс, – и ушла, не дожидаясь, пока всех общут. Выполнять указ остались трое мужчин, которых, кажется, не смущали запертые двери и замки.

– Хорошо, – произнес один из мужчин – командир отряда, как подумал Джесс, – у которого был впечатляющий шрам на щеке: от ожога, вероятно, последствие встречи с греческим огнем. Мужчина не выглядел дружелюбным и, немного подумав, отворил камеру, где находились Глен с Халилой. – Ты. Высокая. Выходи.

Это относилось, разумеется, к Глен. Наверное, она не выглядела внушающей доверие, хотя внешность бывает обман-

чивой в зависимости от ситуации. Глен пожала плечами, вышла и приложила руки к каменной стене коридора. Ее быстрый взгляд в сторону Вульфа подразумевал немой вопрос: «Мы подчиняемся?» Со своего места Джесс не увидел ответ, потому что между его камерой и камерой Вульфа с Санти была глухая стена, однако Джесс видел, как Глен расслабилась, так что ответ, вероятно, был положительным.

Глен отнеслась к рукам стражника, ощупывающим ее, с полным равнодушием, как относилась к любой ситуации, какая могла вызвать у других смущение. Сказала лишь:

– Вы пропустили местечко. Плохая работа.

Других проблем мужчине она не создала.

– Хорошо, – сказал тот, – заходи обратно. Ты, в накидке. Выходи.

– Это не накидка, – сказала Халила, когда вышла в коридор. – Это называется хиджаб. Или платок, если хотите.

Охранник неуверенно осмотрел ее с ног до головы. Он явно не был знаком с традициями, какими руководствовалась Халила в выборе одежды; Глен в своих поношенных штанах его не смущала, а вот платье Халилы определенно смутило.

– К стене, – сказал он. Халила послушно подошла к стене, и, хотя ее явно не радовало то, что кто-то к ней прикасается, особенно так своенравно, она ничего не сказала, пока мужчина ее обыскивал. – Хорошо. Развернись.

Халила развернулась и направилась было обратно в камеру. Однако мужчина вытянул руку, останавливая ее.

– Нет, – сказал он. – Сними платок.

– Это против моей религии. Неужели никто здесь не верит в пророка, мир и благословение его имени? Вот. Я сняла шпильки со своих волос, – сказала Халила и вытянула руку, в которой лежали заколки. – Больше мне нечего прятать. Клянусь.

– Я не верю твоим клятвам, *профессор*, – сказал мужчина и без предупреждения развернул Халилу, схватил за край хиджаба и дернул. Халила невольно откинула назад голову, когда платок упал, и тихо охнула от негодования и ужаса, схватившись за платок. Мужчина толкнул ее к решетке камеры, схватив за шею: – Стой смирно!

– Эй! Уберите руки! – воскликнул Джесс, и гнев внезапно вспыхнул, как греческий огонь, в его груди. Он схватился за прутья решетки и затряс их. Дарио по соседству пообещал прирезать мужчину во сне.

Халила больше не издала ни звука.

Охранник сдернул с нее платок, который уже и так спал на шею, и ее прямые черные волосы рассыпались по плечам. Мужчина смял платок в руке и сунул за пояс.

– Так-то лучше, – сказал он. – Тут не будет никаких поблажек для тебя и для бога, в которого ты веришь, *профессор*. Лучше уясни это сразу.

Халила резко развернулась и схватила мужчину за запястье, а потом вывернула ему руку. Затем повернула его и прижала ладонь к внешней стороне его локтя так, что рука

могла бы вот-вот сломаться, если бы на нее надавили чуть сильнее. Мужчина вскрикнул, но Халила не отпустила. Он попытался высвободиться, но Халила надавила. На этот раз он вскрикнул громче. У него подкосились колени.

Вперед двинулся другой стражник, и Глен ринулась ему наперерез. Халила заметила это, метнув быстрый взгляд в ее сторону, однако от мужчины, которого больно сжимала за запястье, не отвернулась.

– Не заставляйте меня ее ломать, – сказала Халила. – И никогда больше так себя не ведите. Никогда. Это оскорбительно и неуважительно. Вам ясно?

– Отпусти! – ахнул мужчина. Халила вытащила свой платок из-за его пояса и оттолкнула стражника. Мужчина сумел удержаться на ногах и опустил подбородок, и Джесс увидел, как тот тянется к ножу у себя за поясом.

Глен, не говоря ни слова, мгновенно среагировала и ударила апперкотом так, что у того откинулась назад голова, а глаза закатились. Пока Глен была занята, остальные двое стражников, разумеется, воспользовались моментом: один из них схватил Глен и прижал спиной к стене. А потом ударил кулаком ей прямо в живот. Глен лишь обнажила зубы в усмешке.

– Какой ты слабак, поджигатель, – почти что проворковала она. – Попробуй еще разок.

Охранник ударил ее снова, на этот раз сильнее. Бесполезно, и Джесс это знал. Глен заработала немало денег в ка-

зармах подобным фокусом. Если у нее было время напрячь мышцы живота, никто не мог причинить ей боль. Жестокая это игра, однако очень в стиле Глен.

– Хватит, – произнес третий охранник и оттолкнул своего товарища, который уже собирался ударить в третий раз. – Ты. Отправляйся обратно в камеру, и больше не будет никаких проблем, – сказал он Халиле. – Я не стану тебя трогать, если ты меня не вынудишь. Договорились? Можешь оставить платок себе. Нам не нужны большие неприятности.

Халила кивнула.

– Спасибо, – сказала она. – Вероятно, вам нужно поинтересоваться, как дела у вашего друга. Возможно, ему нужен врач. – Она перешагнула через мужчину, которого Глен оставила без сознания, набросила на голову платок и начала его завязывать.

– И ты тоже, солдат. Иди обратно, – сказал третий охранник, обращаясь к Глен, и отошел в сторону, освобождая ей дорогу. Глен не переставала улыбаться, и улыбка ее выглядела пугающей и зверской, когда девушка беззаботно прошла в камеру. Она не забыла и о том, чтобы наступить на мужчину без сознания на полу. Тот даже звука не издал.

– Я ценю помощь, – сказала Халила, подняв руку. Глен как ни в чем не бывало хлопнула ее по ладони в ответ.

– О-о, да я поступила так, чтобы позабавиться, – сказала Глен весело, что Джессу даже понравилось, а затем захлопнула дверь камеры за собой, как только оказалась внутри.

Это напомнило Джессу о том, как Халила сняла свою профессорскую мантию до того, как ее сняли насильно. — Ну? Ты там собираешься нас запирать, а, twpsyn? ¹ — Джесс не знал, что означает уэльское слово, однако понял, что ничего хорошего.

Охранник, который ударил Глен, подошел, чтобы повернуть ключ в замке.

— В следующий раз, — сказал он Глен.

— Дорогуша, в следующий раз я не буду просто стоять, — ответила она. — А потом я пришлю цветы.

Джесс засмеялся.

— Знаешь, Глен, — сказал он, — были времена, когда ты мне не нравилась. Я был дураком.

Глен диковато улыбнулась ему.

— Заткнись, — сказала она. — Ты все еще дурак.

Теперь охранники вели себя куда осторожнее и следующей решили обыскать Морган. Пока они были заняты, Джесс оперся о решетку, сложив руки на груди и ожидая, пока наступит его очередь. В такой позе он незаметно сумел вытащить из рукава металлическую шпильку для волос, а также выдернуть длинную нитку из поношенной ткани своей одежды. Нитка все-таки получилась не такой длинной, как хотелось, однако другого варианта все равно не было. Он завязал один конец нитки на шпильке, а на другом конце сделал петельку, потом поднял руку, чтобы прикрыть рот во время

¹ Идиот (уэльск.).

кашля, пока охранники заводили Морган обратно в ее камеру. Джесс накинуд петельку на зуб и проглотил. На мгновение он испугался, что шпилька застрянет в горле, однако потом она провалилась, оставшись болтаться на нитке где-то на полпути к желудку.

Ощущение было далеко не из приятных.

– Теперь вы, – сказал один из стражников и отворил дверь их с Томасом камеры. – Ты, великан, не смей сопротивляться, иначе клянусь, мы тебя прикончим. – На этот раз он вытащил пистолет и указал им на Томаса, когда тот вышел. – Лицом к стене. Руки вверх. Никаких резких движений.

Томаса, кажется, вовсе не смущал обыск, отчего все с облегчением выдохнули, потому что после спасения из тайной библиотечной тюрьмы он часто реагировал непредсказуемо, и Джесс всегда нервничал в подобные напряженные моменты. Однако Томас вел себя послушно, у него ничего не нашли и отправили обратно в камеру.

Джесса обыскали быстро, однако недостаточно. Ему волшебный фокус никогда не удавался так же хорошо, как его брату Брендану, и пот выступил на лбу, пока Джесс силился подавить рвотный рефлекс и не выплюнуть шпильку обратно. Он не мог не чувствовать посторонний предмет в своей глотке, и это сводило с ума, она царапала мягкие ткани, и даже быстрый обыск, кажется, продолжался целую вечность. Но важно было не выказывать паники. Джесс видел, как контрабандисты порой задыхаются, глотая ключи.

– Хорошо, – сказал наконец-то охранник и толкнул Джесса обратно в камеру. – Следующий. Ты. Испанец.

Джесс сел и попытался успокоить свое дыхание и пульс как мог, пока продолжались обыски. В животе все переворачивалось и бунтовало, однако ему каким-то образом удалось не выдать себя. Дарио обыскали. К этому времени третий охранник пришел в себя, пробубнил что-то про отмщение, а потом его отправили к врачу.

Даже Вульф и Санти не стали сопротивляться обыскам, будто понимали, что нужно побыстрее избавиться от охранников.

В конце концов внешняя дверь захлопнулась, издав характерный металлический щелчок, когда охранники ушли, и Джесс зажмурился, слушая, когда зазвенят ключи в замке. Ключи он слышал. Получается, ему нужно будет разобраться с замками на каждой отдельной камере, а потом еще и на внешней двери, чтобы всем им отсюда выбраться. И в распоряжении у него всего-навсего маленькая шпилька для волос.

– Они ушли, – сообщил Джессу Томас, и Джесс открыл глаза. – Ты побледнел, как скисшее молоко. Тебе плохо?

Джесс поднял палец, прося Томаса подождать, а затем сунул руку в рот, чтобы достать скользкий кончик нитки. «Расслабься», – приказал себе Джесс и дернул. Ему не удалось сдержать рвотный позыв, когда шпилька выскользнула из горла, однако момент тошноты был малой ценой за триумфальное чувство, когда Томас увидел в руках у Джесса

шпильку.

– Старый трюк уличного фокусника, – сказал Томасу Джесс и сдернул нитку с зуба. – Проглотить, потом выплюнуть. Желательно так, чтобы еще не стошнило.

– Это, – сказал Томас с восхищением на лице, – *отвратительно*.

– Согласен. – Джесс вытер шпильку, осторожно разогнул, а затем покрутил, разломав пополам. – Столько всего полезного можно узнать, когда при себе ничего.

– Что ж, я готов учиться, – сказал Дарио из своей камеры напротив. – И что с этим делать?

– Вскрывать замки.

– А потом что? Ну, откроешь ты камеры. Мы все равно в ловушке, тут, в Филадельфии.

– Тогда я не буду открывать твою.

– Беру свои слова обратно, дорогой англичанин!

Джесс проигнорировал его, согнув одну из половинок шпильки в крючок, а другую в отмычку. Томас наклонился вперед, наблюдая за работой Джесса.

– Тебе нужна помощь? – спросил он, и Джесс покачал головой. – Дарио прав, знаешь. Открыв замки, мы не сбежим.

– Это первый шаг к побегу, и Дарио никогда не бывает прав.

– Вообще-то я вас слышу, – произнес Дарио. – Потому что вы разговариваете вслух.

– И почему, по-твоему, я так сказал? – Джесс воспользо-

вался решеткой камеры как точкой опоры, чтобы согнуть отмычку так, как надо, а затем присел к двери и попробовал нащупать этой отмычкой механизм в замке. Пришлось согнуть отмычку иначе, что Джесс сделал терпеливо, шаг за шагом, изучая замок и исследуя механизм.

– Халила, ты в порядке? – спросил Дарио. Его голос изменился и теперь звучал заботливо и тихо. – Я сожалею о том, что он сделал с тобой. Это было подло.

– Я в порядке, – сказала Халила. Она не видела Дарио из своей камеры. Между ними была стена. – Меня не покалечили. Вы все за меня заступились. Это куда важнее. – Ее голос звучал уверенно, однако Джесс видел ее лицо. Она все еще дрожала и злилась.

– Что ж, – сказал он, потому что не мог выдумать что-то еще помимо очевидной правды, – мы все здесь семья, разве нет? Для этого и нужна семья.

Халила сделала быстрый вдох и медленно выдохнула.

– Да, – сказала она. – Полагаю, так и есть. И это многое значит.

Джесс продолжил ковыряться в замке.

– Имейте в виду, если вы и моя семья, это большое улучшение для меня, и вполне себе ухудшение для вас, наверное, – произнес он. – Я так и не сказал, но... простите, что мой отец подвел нас. Подвел всех нас. Он всегда был плохим родителем. Но я думал, что бизнесмен из него получше и он не позволит поджигателям себя использовать. – «И не

откажется от меня в процессе», – подумал Джесс, но не стал говорить этого вслух. Все еще было обидно.

– Это не твоя вина, – сказала Морган. – Мой отец пытался меня убить, если ты забыл. Твой просто душка по сравнению с моим. – Она уселась на койку в своей камере и подтянула ноги под себя. – О, ну хорошо, полагаю, я тоже назову вас своей семьей.

– Постарайся не говорить с таким энтузиазмом, – сказала Глен. – И не обижайтесь, но у меня отличные отец и мать, а еще много замечательных братьев, так что я их оставляю себе. Но из вас получились хорошие друзья, этого не отнять.

Халила вздохнула и потянулась, сказав:

– Время будет тянуться очень медленно, если нам не дадут ничего почитать.

– Я могу процитировать несколько книг по памяти, – сказал Томас. – Если вам уже скучно. – И тут он начал убаюкивающе повторять какой-то сухой текст о передаточных числах, который однажды зазубрил, пока остальные не взмолились, прося его умолкнуть, а Джесс ворчал себе под нос, борясь с упрямым старым механизмом замка и своей хрупкой отмычкой.

«Давай же, – умолял Джесс. – Работай». Он чувствовал напряжение в замке и сунул отмычку поглубже, чтобы зацепиться за механизм. Шпильки для волос не лучшим образом подходили для подобной работы, учитывая грубость замка, и пальцами Джесс ощутил, что металл шпильки гнется под

тяжестью напора. «Нужен угол получше». – Он беззвучно вздохнул и вытащил отмычку, разглядывая, насколько сильно она пострадала, а затем аккуратно засунул острый конец обратно в замок. Снова сунул между тумблерами механизма, и внезапно Джесса озарило, словно он увидел устройство замка перед собой, увидел каждый изгиб и каждую линию своими глазами в своем воображении. Немного поднажать здесь, надавить там...

Раздался тихий, но резкий щелчок, отмычка попала в паз, и замок отворился.

Томас выпрямил спину, тут же замолчав, и Джесс толкнул дверь. Та медленно распахнулась.

– Мать Божья, – выдохнул Дарио и подбежал к решетке своей камеры, схватившись за прутья. – Ну, давай, дорогой преступничек! Выпусти и меня!

– Сменил пластинку, да? – сказал Санти. – Джесс. Хватит.

– Да, сэр. – Очень хотелось выйти в коридор, попробовать вскрыть замок на внешней двери, однако Джесс понимал, что Санти был прав. Он затворил дверь обратно, подпер ботинком, сунув тот между прутьями, и разогнул отмычку, чтобы снова закрыть замок.

– Нет, нет, нет! – Дарио ударил ладонями по прутьям решетки, подняв шум, который Джессу был вовсе не на руку. – Дурачина, что ты делаешь?

– Он ждет своего часа, чему ты тоже должен научиться, причем тихо, – сказал капитан Санти. – Нам нужно время,

чтобы прийти в себя и собраться с силами. И нам нужно заслужить доверие местных людей, изучить город, а также разработать дельный план побега. На это потребуется время, а также немало доверия со стороны наших тюремщиков. Ничего из этого не выйдет, если мы бессмысленно будем пытаться убежать сейчас.

Дарио, должно быть, понял, что Санти прав, однако его разочарование все равно буквально ощущалось в воздухе, и он снова ударил по прутьям, а затем плюхнулся на койку. Однако не стал спорить. Даже Дарио не был настолько наивным, чтобы торопиться сбежать без хорошего плана.

Санти сказал все это так, словно сбежать будет проще простого, подумал Джесс, однако это не так. Все будет сложно. И его не покидало неприятное чувство, что даже после побега, если им вообще удастся выбраться из города, они все равно застрянут в Америке, где не приходится рассчитывать на чью-либо помощь.

И все же с маленькой отмычкой в руках, с крохотным чувством контроля над ситуацией Джесс сумел совладать с бурей в своих мыслях, превратив ее из урагана в рокот грома. Ураган говорил: «Все это бессмысленно. Отмычка сломается, металл не выдержит, что тогда?»

Внезапно Джесс вспомнил, что отец говорил ему давным-давно, когда он был еще маленьким. «Если весь мир – это замок, мальчик мой, тебе не нужен ключ. Ты сам должен стать ключом».

Мудрость Брайтвеллов. Колкая, без сантиментов и на время успокаивающая, убаюкивающая все переживания.

На время.

Записки

Текст из трактата «Liber de Potentia», посвященно-го опасностям, исходящим от скрывателей, которые находятся без присмотра. Чтение полного документа доступно лишь для членов курии и Верховного архивариуса. Некоторые разделы доступны для чтения медицинским работникам библиотеки

...токсичный эффект от злоупотребления способностями скрывателей. Самым наглядным и жутким примером является случай французского скрывателя Жилия де Рэ. Во время своего обучения он принял решение по собственному желанию покинуть Железную башню, чтобы вернуться в родные земли своей семьи (прим.: по этой причине мы рекомендуем никого больше не выпускать из Железной башни, пусть даже из жалости и сочувствия). А затем он использовал свой величайший талант не во имя служения Библиотеке, как он поклялся прежде, а чтобы воспитать французского воина, внушив тому желание и готовность сражаться против англичан исключительно по партизанским соображениям.

Де Рэ воспользовался дарованным ему талантом квинтэссенции безрассудно и бесконтрольно, чтобы оберегать и защищать Жанну д'Арк; хотя и не было сомнений в том, что девушка и без того являлась прирожденной воительницей, которая могла

бы принести немало славы библиотечным войскам, поступи она на службу, чрезмерное злоупотребление де Рэ своим талантом для усиления ее успехов и лечения ран привело их обоих к плачевному концу.

Сила де Рэ росла, как всегда и происходит, когда скрывателю дозволено развивать свои навыки без ограничений, однако, как верно подметил сам Аристотель, то, что однажды прикасается к грязи, уже никогда до конца не очистится. Изначально процессы лечения ран силами де Рэ и впрямь показывали отличные результаты, однако по мере того, как гниль внутри него разрасталась, его прикосновения стали приводить к безумию, лихорадке и, в конечном итоге, падению его собственной непобедимой чемпионки.

Скрывшись в своем замке, он поклялся воскресить погибшую Жанну. Развращенный гнилью изнутри и обезумевший, он пришел в экспериментах к ужасным результатам в стенах своего замка, которые впоследствии породили жуткую легенду. Закончилось все тем, что его собственному народу пришлось покарать его огнем, ибо только так и можно было восстановить справедливость.

Случай де Рэ, таким образом, является суровым предупреждением всем и каждому, кто наивно верит, что скрывателям можно дать свободу и позволить распоряжаться своими силами и обязанностями без стороннего надзора. Находясь в Железной башне, скрыватели используют свои силы аккуратно и осмотрительно, а сам металл, из которого построена

башня, предназначен сдерживать квинтэссенцию. Исходя из всего вышеизложенного и руководствуясь ярким примером Жиля де Рэ, мы рекомендуем держать скрывателей в Железной башне пожизненно, за исключением тех случаев, когда их работа вынуждает странствовать за пределы защищенной территории, но и тогда за ними необходимо следить. Если появятся хоть малейшие признаки надвигающейся опасности, скрывателя необходимо немедленно и решительно отстранить от дел и запретить ему использовать свои силы, пока те не придут в норму, если такое возможно.

Несмотря на то что заражение можно выявить на ранних стадиях, оно все равно несет в себе смертельную угрозу не только для скрывателя, чьи силы заражены, но и для всех окружающих.

Сила всегда скрывает в себе опасность.

Глава вторая

Джесс проснулся ранним утром, задолго до рассвета, и начал систематично осматривать темницу, камень за камнем, исследуя все углы и решетки.

Томас лежал на своей малюсенькой койке, скрестив руки на груди, и дышал спокойно и размеренно, однако даже в тусклом свете, с трудом пробивающемся сквозь окошко под потолком, Джесс отчетливо видел, что друг не спит. Голубые глаза Томаса были раскрыты, устремившись в потолок – однако невидящим взглядом. Томас о чем-то думал.

– О чем думаешь? – тихонько поинтересовался Джесс, когда забрался ногами на свою койку и подергал железные прутья на окошке. Он старался говорить непринужденным тоном, потому что мыслями его друг Томас был наверняка в прошлом. Местная тюрьма была явно чище, чем та, что в Великой библиотеке, и, насколько пока можно было судить, она не располагала инструментами для пыток, однако сходств все равно находилось предостаточно. И Джесс даже представить не мог, что испытывает сейчас Томас, оказавшись за решеткой так скоро после того, как до этого уже провел несколько месяцев в другой темнице.

Томас сделал два медленных вдоха, а затем ответил:

– Полагаю, сначала уведут Морган.

Джесс не ожидал подобного ответа и, спрыгнув почти что

беззвучно с койки обратно на пол, спросил:

– С чего это ты так решил?

– Поджигатели, может, и ненавидят Библиотеку, но они не глупы – по крайней мере, не местные. Они ведут сопротивление уже более ста лет и превратили американские колонии в пылающий котел из проблем по всем библиотечным фронтам. Бек отлично должен понимать, сколько преимуществ дает ему скрывательница в роли ручной зверушки. Она способна помогать поджигателям в их террористических операциях, чинить телепортационные залы, создавать новые Кодексы... С ее помощью они смогут даже возвести здесь, в Филадельфии, свою версию Великой библиотеки, но подконтрольную им. Уверен, у них в распоряжении имеются обыкновенные книги. Им нужен лишь скрыватель. А остальные из нас... – Томас пожал плечами. – Мы лишь в качестве дополнения.

Другой голос вдруг произнес:

– Нам следует применить свои навыки в личных целях. – Это была Халила, которая устроилась на краешке своей койки у двери тюремной камеры. – Наши знания являются нашим преимуществом. Нужно продемонстрировать это.

– Ты что, не слышала о том, что Морган, скорее всего, уведут силой?

– Морган вообще-то здесь, и ей надоело, что о ней говорят как о какой-то хрупкой драгоценности, – отозвалась Морган. – Из вас всех я нахожусь сейчас в наименьшей опасности.

сти. Томас выразился вполне красноречиво.

– Тут вообще никто не спит, что ли? – сердито уточнил Джесс.

В ответ послышался сухой смех Дарио из соседней камеры, хотя испанец и не стал утруждаться тем, чтобы подняться на ноги.

– Ты пробовал найти удобную позу на этой дьявольской пародии на кровать? – спросил он. – Халила права. Остается лишь сотрудничать с поджигателями, либо сбегать. Других вариантов у нас не имеется.

– С ними не нужно сотрудничать, – сказал профессор Вульф. Джесс его не видел, потому что его камера располагалась за каменной стеной слева от камеры Джесса и Томаса. – Нужно лишь *сделать вид*, что мы сотрудничаем, чтобы добиться своих целей, а не просто выжить. Наша цель заключается не в том, чтобы сбежать только из этой тюрьмы или этого здания. Нет. Нам необходимо сбежать из целого города. Но даже потом нам нужен план дальнейших действий. Нельзя делать ни шагу прежде, пока не продумаем на три вперед.

– У меня есть план. Построить механическую печатную машину, – сказал Томас. – Использовать ее, чтобы лишить Библиотеку тоталитарной власти над знаниями. Это хороший план.

– Это не план, несчастный мой инженеришко. Это цель, – ответил Дарио. – План – это когда расписываешь шаг за шагом действия для достижения цели. Ну знаешь, вся та ску-

котища для умных умов.

– Я знаю, как добиться своей цели, – огрызнулся Томас. – А вот о тебе я то же самое сказать не могу, Дарио.

– Джентльмены, разве мы не договорились недавно о том, что мы все здесь одна семья? – спросила Халила.

– Я с семьей спорю, – ответил Дарио. – Но согласен с тобой, мой пустынный цветочек. Я буду впредь стараться лучше.

– Я тоже, – добавил Томас. – Прошу прощения. Уверен, и у Дарио имеются какие-то навыки, я просто о них не осведомлен.

Халила чуть не рассмеялась, сказав:

– Тогда давайте продолжим. Бек не глуп и не безумен до фанатизма, иначе бы не продержался в роли местного лидера так долго. Так что...

– Так что мы должны предложить ему что-то, чего он не сможет найти в книгах, которые у нас конфисковал, – сказал Джесс. – Как и сказал Томас. Печатную машину.

Дарио недовольно заворчал, отвечая:

– Дурацкая идея. Как только чертежи окажутся у него на руках, мы ему больше не будем нужны.

– Ты забываешь, что и сейчас мы ему не нужны, – сказал профессор Вульф. Голос его прозвучал тяжело и резко, точно лезвие гильотины. – Из всех нас ему нужна только Морган. Остальные же, как верно заметил Томас, лишь дополнение. Необходимо, чтобы ему захотелось оставить нас всех в

живых.

Томас не двигался на своей койке, лежа неподвижно, как мертвец. Его взгляд не отрывая от потолка, когда он сказал:

– Тогда я не стану делиться с ним чертежами. Сам сначала построю печатный станок, чтобы доказать, что тот работает. А Джесс будет строить со мной. Вместе с Морган, это уже трое, кого Бек не может убить. Это выиграет нам время.

– На твой счет он согласится. Джесс же будет лишь дополнительной парой рук.

– Не хотелось бы вас разочаровывать, но я нужен Беку, – сказал Джесс. – Не ради моего гениального ума, а ради его собственного выживания. Вы видели этот так называемый город? Вопрос заключается не в том, чтобы просто остаться в живых. Здания здесь все в руинах, а люди голодают.

– Сотни лет, проведенные под атаками, имеют свои последствия, – заметил капитан Санти.

– И они явно выживают не за счет тех крох урожая, что собирают в этих землях. По крайней мере, не только за счет урожая.

Голос Санти теперь зазвучал задумчиво:

– Понимаю, к чему ты клонишь. Этот город выживает лишь благодаря контрабандистам, которые могут раздобыть для жителей дополнительную провизию и припасы.

– Именно. И у местных контрабандистов найдутся контакты, которые так или иначе выведут их на мою семью. Я буду куда ценнее в качестве живого представителя, когда Бек

сообразит, кто я. За меня можно выторговать больше провизии и лучшие условия для сделок. Или же получить прямо противоположное, потому что, если меня убьют, Бек потеряет своих поставщиков.

– Повезло тебе, – сказал Дарио. – Последняя фраза особенно хороша. Я имею в виду, что у нас будет куда больше шансов сбежать в суматохе хаоса, разумеется, если ты готов взять на себя роль жертвенного козленка.

Джесс ответил без слов. Одним жестом.

– Выбраться за эти городские стены будет куда сложнее, – сказал Санти. – Стены выстояли сотни лет, скорее всего, отразили натиски даже скрывателей и не раз подверглись греческому огню, а также другим, более изощренным бомбардировкам. К тому же не менее четырех библиотечных армий неустанно штурмуют стены Филадельфии, и они всегда начеку. Мой собственный отряд... – Его голос дрогнул, как будто он только что вспомнил, что ему пришлось отказаться от всего, что у него было, ради спасения Томаса, включая и свой капитанский чин в библиотечных войсках, а также и своих солдат. – Мой собственный отряд провел тут почти год лет пять назад.

– Насчет этого, – начал Дарио, – мне всегда казалось, что с библиотечным вооружением солдаты армии способны одолеть несколько сотен поджигателей в полуразрушенном городе за пару недель, не говоря уже о сотнях лет.

– Все дело в приказах держать дистанцию от двух преды-

дущих архивариусов, – ответил Санти. – Американские колонии всегда становились камнем преткновения. Поджигатели Филадельфии способны обратить все в пепел. Курс местной политики направлен на стабильность, лишь временами допускаются атаки и бомбардировки, чтобы напомнить о том, что мы по-прежнему здесь.

– И, полагаю, ваша разведка тут и контрабандистов ловила.

– Разумеется. Мы отловили сотни дилетантов. Большинство были фанатиками, пытающимися перекинуть провизию через стены.

– А кто-нибудь из них когда-нибудь пользовался вашими катапультами? – спросил Джесс.

– Чего?

– Ну, чтобы провизию через стену перекинуть. Я бы попробовал. Можно много чего отправить, и всего за пару бросков.

– Слава богу, им советы давал не ты. – Теперь, судя по голосу, Санти развеселился. – Джесс... Я только за то, чтобы воспользоваться репутацией твоей семьи, но не дави на Бека очень уж сильно. Он может убить тебя просто для того, чтобы доказать, что не нуждается в снисходительности твоего отца. У него ужасное эго.

– Звучит так, будто вы с ним знакомы, – заметил Джесс.

– Можно и так сказать... Мы его изучали. Он долго здесь выживает, управляя отчаявшейся кучкой людей, загнанных

в ловушку, как крысы. Порядок ему удастся наводить лишь благодаря тому, что он способен быть в нужных пропорциях и умным, и безжалостным. У него всегда холодный расчет: не тратить ресурсы и никого не оставлять в живых, если в этом нет для него выгоды.

Халила подала голос:

– Профессор Вульф, я и Дарио можем переводить книги, которые принесли с собой из Черных архивов. Знаю, господин Бек очень вдохновился, увидев их. Большинство из тех книг написаны на мертвых и сложных языках, и я сомневаюсь, что кто-либо в Филадельфии способен их прочесть. Это может нас защитить, по крайней мере, на время.

– У нас по-прежнему нет козырей для Глен и Санти, – сказал профессор Вульф. – А я ими жертвовать не собираюсь.

Глен сонно заворчала, отвечая:

– Может, вы все просто заткнетесь и дадите мне отдохнуть? Мы солдаты Библиотеки. Умеем выживать. Поболтаете, когда солнце взойдет, изверги.

– Хочешь, мы споем тебе колыбельную? – спросил Дарио.

– Богами клянусь, и своими и твоими, Дарио. Заткнись!

После этого снова воцарилась тишина. Некоторые, как заметил Джесс, и правда снова заснули. Но не сам Джесс. И не Томас. Джесс продолжил ощупывать кончиками пальцев все уголки их камеры, разглядывая все зорко, как орел. Отец научил его выискивать тайники и переключатели, которые такие тайники открывают, но те же принципы поиска бы-

ли применимы к чему угодно, когда ищешь секреты. Нужны лишь терпение и концентрация.

Время от времени Джесс поглядывал на Томаса. Молодой человек по-прежнему не смыкал глаз. И выглядел... как мертвый. Однако Джесс не сомневался в том, что в черепушке у друга мысли неслись на бешеной скорости.

Наконец Джесс решил сделать перерыв в своих поисках. Он обыскал почти уже всю камеру, и спина горела, а кончики пальцев гудели, прочесав шероховатые каменные стены. Джесс уселся на пол, прильнув спиной к койке друга.

– Ты в порядке? – прошептал Джесс тихонько, чтобы, если Томас вдруг заснул, не разбудить.

Однако он вовсе не удивился, получив ответ.

– Сказать по правде, я рад, что ты здесь, Джесс. – Больше Томас ничего не добавил, но остальное Джесс понял и сам. Оказаться снова в ловушке за решеткой, пусть и в окружении друзей, для Томаса нелегко. Он и так пережил немало мучений в беспросветном аду под Римом, пережил невообразимые ужасы пыток, и, конечно, это сказывается. Джессу хотелось спросить и узнать подробности, но он понимал, что лучше этого не делать. Между тем, что говорить можно, и тем, что нужно, пролегает целая пропасть. И лучше все не усложнять. Томас сейчас был ранимым и слабым в душе, а ужасная правда заключалась в том, что друг им нужен был сейчас сильным, если они хотят выжить в Филадельфии.

Томас добавил:

– Можешь посидеть рядом, пока я немного посплю?

Джесс глянул через плечо и заметил, что взгляд Томаса наконец переместился с потолка на него. Никто из них глаз не отвел, и Джесс в конце концов ответил:

– Буду на страже.

Это, как казалось Джессу, было именно тем, что хотел услышать Томас, и с тяжелым вздохом крупный немец прикрыл глаза, позволив себе задремать.

Джесс тоже уснул, позабыв даже о твердых камнях, на которых сидел, и о холоде. Ему приснилось, что он стражник у ворот, которые полыхают, и Джесс прекрасно знает, что по ту сторону скрывается нечто ужасное и чудовищное и победить его невозможно. Но знал он и то, что ему все равно придется сражаться. Отчаяние его захлестывало.

Он вздрогнул и проснулся, когда услышал чьи-то голоса, но сон еще какое-то время стоял ярко перед глазами и стягивал напряженными узлами мышцы. Солнце уже взошло высоко, но небо за решеткой окна под полотком затянули сизые облака. Никто, как осознал Джесс, так и не прибыл, чтобы разбудить пленников, и завтракать было нечем. В животе урчало. А еще ему очень хотелось в туалет. Ведро. Что ж, приходилось довольствоваться и худшими вариантами, так что Джесс поднялся и справился с тем, что есть.

– Уотен, что, во имя Герона, ты творишь? – резкий, недовольный голос принадлежал профессору Вульффу. Джесс быстро застегнулся и развернулся, чтобы выглянуть в каме-

ру, которую делили на двоих Глен с Халилой. Глен с какого-то перепуга решила поупражняться и стояла теперь на руках посреди своей темницы. Стояла твердо, точно скала, и баланс держала безупречно. – Готовишься стать придворным филадельфийским шутом?

Глен плавно опустила ноги, разогнувшись так грациозно, как Джессу ни за что бы не удалось, выпрямилась и потянулась.

– Тренировки расслабляют, – сказала она. – И кровь приливает к мозгу, это думать помогает.

– Увидела что-нибудь полезное снизу? – поинтересовался Дарио.

– А ты увидел, валяясь на своем «ох-каком-неудобном!» матрасе, лентяй?

Молодой человек пожал плечами, что уже можно назвать немалым достижением, ведь обычно он лишь упирался плечом в прутья тюремной решетки и скрещивал на груди руки.

– И что я должен тебе на это ответить? – спросил он. – Это тюрьма. Тут ничего нет.

– Дарио, ты безнадежен, – сказал Вульф. – Джесс. Скажи ему, насколько он не прав.

– Разбери сетку под матрасом. Скрути вместе, прикрепил к решетке на окне и поверни. Таким рычагом можно свернуть как минимум один прут решетки очень даже легко. Его можно использовать как инструмент или заточить в качестве оружия...

– Матрас легковоспламеняющийся, от него будет много дыма, – добавила Морган. – Нужно быть осторожными, если хотим использовать его для отвлечения внимания. Воздух тут не очень хорошо циркулирует. Просто будет надышаться, если дыма много.

Халила подняла свой платок и развернула в руках.

– Если по краям завязать по камню, – сказала она, – то из этого выйдет отличное оружие.

Дарио заворчал:

– Ладно, ладно. Все вы разбираетесь в грязных драках и тюрьмах куда лучше меня. Но как мудро заметил профессор, нам нужно просчитывать свои действия на три шага вперед. Давайте предположим, что отсюда мы выбрались, уберегли свои жизни от лап поджигателей и нашли способ убраться из города. А потом что? Полагаю, нам бы не помешало придумать способ связаться с союзниками, которые еще у нас остались. Не думаю, что решение этой проблемы у вас припасено в рукаве.

Ответил Джесс:

– Если сюда проносят провизию, то тут должны быть и катакомбы для контрабандистов.

– Поясни, – резко потребовал Вульф. – Потому что я не позволю вам вслепую бегать по неизведанной территории. Нам необходимо...

– Идут, – оборвал его капитан Санти.

Только тогда Джесс расслышал шаги, а потом и скрежет

ключа у наружной двери. Он подскочил на ноги и подошел к решетке так быстро, что чуть голова не закружилась. Томас же, наоборот, даже не шевельнулся и так и остался сидеть на краю своей койки – хотя Джесс решил, что подобное спокойствие Томас выработал не без усилий.

Дверь распахнулась, и вошли трое мужчин, на этот раз других, но выглядели все сурово, что подсказывало, что они готовы к любым неприятностям. Халила в своей камере напротив неспешно повязала на голову платок, спрятав его кончики. Джесс понятия не имел, как ей удавалось оставаться чистой в таких условиях, но она по-прежнему выглядела так, будто только что вышла из библиотечного кабинета, несмотря на то, через что им пришлось пройти. При виде опрятности Халилы Джессу отчего-то стало чуточку легче.

Морган, с другой стороны, внешне куда больше походила на внутреннее состояние Джесса: вся бледная, утомленная, с волосами, спутавшимися и отчаянно нуждавшимися в расческе. Джессу очень хотелось запустить руку в ее шелковый беспорядок кудрей. Неужели пришли за ней? Джесс боялся, что Томас может оказаться прав – способности Морган представляли ценность, они являлись редким ресурсом на грани исчезновения, на который поджигатели могли нацепить ошейник так же непринужденно, как то сделали в Библиотеке.

Однако вошедшие люди не остановились у камеры Морган, что ненадолго принесло облегчение, которое исчезло,

когда один из мужчин подошел к камере Джесса с Томасом и указал точно на Томаса.

– Вот ты, – сказал мужчина. – Пошли с нами. – Его отрывистый голос с акцентом звучал недружелюбно. У него была бледная кожа и соломенного цвета, коротко стриженные волосы, а еще он явно нередко попадал в драки, потому что нос его так и остался кривым после одного из ударов.

Джесса происходящее застало врасплох, и он не сразу сообразил, что все это может означать. Он повернулся к Томасу, и одного взгляда на каменное выражение лица приятеля оказалось достаточно.

– Он никуда один не пойдет, – сказал Джесс.

– Отойди, пацан.

– Не дождетесь. Хотите его, придется забирать нас двоих.

Мужчина рассмеялся.

– Имеешь в виду, что придется пройти по тебе? – поинтересовался он. – Да без проблем.

Джесс испугался, что это может оказаться правдой. Конечно, он умел драться, ведь, в конце концов, его тренировали быть библиотечным солдатом – эффективным, быстрым, смертоносным, – и он был уверен, что кровь ему пролить точно удастся. Однако мужчин было трое, а на Томаса вряд ли стоило рассчитывать, ведь друга и без того бросало то в злость, то в парализующий страх без видимых причин. Томас, может, и станет сражаться ради спасения других, а вот ради себя – едва ли.

Джесс испугался, но со страхом он был знаком давно и тесно, особенно после пережитого в Великой библиотеке и всех тех ужасов, что он уже повидал. Страх стал для Джесса верным другом. Почто что силой, не слабостью.

– Если будешь вынуждать нас тебя приструнить, будет больно, – сказал поджигатель. Он ухмыльнулся, продемонстрировав ряд своих кривых зубов, не менее побитых, чем его нос. – Выбор за тобой.

– Джентльмены, – произнес Санти из соседней камеры, которую делил с Вульфом, и прильнул к прутьям решетки. Голос капитана звучал очаровательно, а это означало лишь то, что он готов творить жуткие вещи. – Если вам нужна информация, идите к тому, у кого есть звание.

– О, до тебя тоже доберемся, – ответил мужчина. Хлопнул тяжелой деревянной дубинкой по своей ладони и подошел к Санти. – Расспросим тебя о-очень громко, если будешь так себе вести, *книголюб*.

– Забавно, что вы считаете подобное слово оскорблением. В то время как я бы предпочел акцентировать внимание на смещенных пропорциях вашего лица. Сколько, если не секрет, драк вы проиграли? Полагаю, число куда выше того, где вы побеждали. Вы уверены, что друзей с собой привели достаточно?

Мужчина хлопнул своей дубинкой по решетке камеры Санти, что оказалось ошибкой, потому что вместо того чтобы отступить, Санти явно к этому приготовился и тут же

ухватился пальцами за дубинку, дернув так, что целая рука мужчины оказалась между прутьев. Мужчина взвыл от боли. Джесс мало что видел, однако услышал, как дубинка упала на пол, а Санти, очевидно, подхватил ее первым, потому что следом ударил ей по решетке так звучно, что сам воздух завибрировал, будто от звона колокола.

Все трое пришедших вздрогнули.

– Ну вот теперь можем и поговорить, – сказал Санти.

Это почти что сработало, однако, к сожалению, начальник вошедших оказался сообразительнее, чем Джесс предполагал... и тот тут же отступил, вытащив огромный, грубо сделанный пистолет, которым прицелился вовсе не в Санти, а точно в Джесса.

– Верните дубинку, капитан, – сказал он. – Сейчас же. Все вы нам не нужны, вам это известно.

Мужчина взвел курок, пока говорил. Джесс натянул на лицо улыбку.

– Он блефует, капитан, – сказал Джесс. Все внутри похолодело, но показывать этого Джесс не собирался. В семье его в первую очередь научили сражаться, как загнанная в угол крыса без шансов на побег. – Он не выстрелит. Иначе его самого потом вздернут.

– О, я так не думаю. Мы можем себе позволить одну-две потери. Особенно из числа тех, кто носит библиотечную униформу. Твоя шкура ничего не стоит, ее разве что можно через стену швырнуть в наших врагов.

Джесс наблюдал, как палец мужчины на курке напрягается – а затем тут же отступает, когда дубинка, которую держал Санти, падает на пол, отскакивает и подкатывается к ботинку мужчины.

– Хорошо, – сказал Санти. – Перемирие.

– Разумное решение. – Сообразительный начальник опустил свой пистолет – не произведенный Библиотекой, а американский, громадный, который наверняка бы оставил в груди у Джесса премерзкую дырень, – и сунул обратно в кожаную кобуру. – Ну а теперь давайте начнем сначала. Ты. Крупный. Как я и сказал, ты идешь с нами.

Джесс снова открыл было рот, однако Томас опустил свою руку на плечо друга и отодвинул его – не грубо, но решительно, – когда выходил вперед. Он молча повернулся спиной к решетке, что сначала озадачило Джесса, пока он не сообразил, что это для того, чтобы позволить мужчинам надеть на руки Томаса металлические кандалы. Очевидно, Томасу приходилось переживать подобное прежде, причем не раз, пока он находился под библиотечной стражей.

Томас кивнул Джессу, поглядев на него своими ясными голубыми глазами.

– Со мной все будет в порядке, – сказал Томас, хотя и было понятно, что это наглая ложь.

Джесс пытался придумать, что сказать в ответ, и, когда ключ повернули, распахнув дверь их камеры, а Томас вышел, наконец сообразил:

– Томас. In bocca al lupo.

Это была фраза, которую использовали библиотечные солдаты, когда хотели пожелать друг другу удачи перед прохождением телепортационных залов, перед тем, как пережить этот в равной степени жуткий, причиняющий боль и вызывающий страх процесс перемещения, так что выражение, кажется, подходило к ситуации. «В пасти волка», – означало оно.

– Speri il lupo, – ответил Томас, когда камеру Джесса вновь наглухо заперли и Томас исчез за внешней дверью на конце коридора. «Убей волка».

Дверь хлопнула и закрылась за его спиной.

Джесс экспрессивно и очень по-английски выругался, а затем присел на корточки, чтобы изучить замок на двери своей камеры, выуживая из своего тайника под хлопковым матрасом отмычки.

– Джесс? – Вульф наблюдал за ним, нахмурившись. – Не надо.

– Я не брошу Томаса одного!

Вульф проворчал что-то, что походило на звук отвращения.

– Тебя пристрелят, не успеешь ты и на пару шагов отойти от здания. Сам подумай. Я знаю, что ты что-то да умеешь. Однако Томас пережил куда более ужасные вещи, чем те, какие способны с ним сотворить здесь, и он знает, что делает. Он купит Уиллингера Бека своей идеей о печатном станке.

Сейчас он в безопасности. Беку чужая кровь не нужна.

– В отличие от меня, – заметил Санти. – Я не прочь пролить немного.

– Ник.

– Джесс прав. Нам нужно приглядывать за Томасом.

– Мы будем ждать, – отрезал профессор Вульф. – Мне приходилось ждать и в местах похуже этого.

И это была правда. Вульф пережил все то же самое, что и Томас, в библиотечной тюрьме... и провел в ней куда больше времени. Если кому и стоило бояться, так это Кристоферу Вульфу, ведь он и в лучшие свои времена в душе был раним. Понадобилось с ним познакомиться поближе, чтобы это понять, потому что он мастерски скрывал свою истинную сущность. Однако каждого можно было довести до черты, которая способна их сломить. Вульф свою черту преодолел, был сломлен, однако каким-то неведомым и болезненным образом сумел собрать себя по кусочкам обратно.

– Мы будем ждать, – повторил профессор Вульф. Слова прозвучали достаточно твердо, однако была в них некая печальная нотка. – Пока не выясним больше. Сейчас мы ничего сделать не можем.

Ожидание прошло в мрачной тишине, однако Вульф оказался прав. Через три часа с небольшим, которые Джесс с трудом высчитывал по движению теней, отбрасываемых решеткой на пол тюрьмы, мужчины вернулись и снова распахнули дверь в камеру Джесса.

– Ты, – сказал тот, что был уродлив. – Пошли. Тебя хотят видеть.

– Увидели листовки с объявленной за меня наградой, да? – поинтересовался Джесс и выдавил из себя нахальную улыбку, по большей части ради Морган, потому что она с хмурым беспокойством наблюдала за ним. – Скоро вернусь, – сказал он ей, и она кивнула в ответ.

– In bosso al lupo, – прошептала она, и все остальные повторили следом, точно молитву. От этого улыбка Джесса чуть было не дрогнула. Чуть.

– Credi il lupo, – ответил Джесс. – Морган. Если я не вернусь...

– Шагай, – оборвал его мужчина и, положив свою ручищу ему на спину, толкнул вперед. Джесс оступился, сложил колени и тяжело повалился вперед, схватившись руками за прутья камеры Морган. – О, да ради всего святого... поднимайся, дурак неуклюжий!

Джесс не успел дать сигнал, но это оказалось и не нужно. Морган быстренько схватила отмычку, которую Джесс зажал между пальцами, ее прикосновение пробежало по его коже с легкостью ветра. У Джесса почти перехватило дыхание, когда он взглянул ей в лицо.

Когда увидел ее кривую, тревожную улыбку.

Джессу хотелось, чтобы у Морган была отмычка на случай, если он не вернется, и она все поняла без лишних слов. Ему хотелось много чего ей сказать, и даже губы уже

разжались, чтобы так и сделать, однако в этот самый момент Джесса снова дернули, поставив вертикально, и голова его ударилась в неприступное железо, напоминая о важности держать равновесие. Не помогло. Колени подкосились, и Джесс снова чуть не упал, на этот раз даже не нарочно. Пока Джесс ловил баланс, на руки ему нацепили кандалы.

– Эй, трубочист. – Джесс поднял голову на звук голоса Дарио Сантьяго и увидел, что испанец смотрит на него через прутья своей камеры. Дарио больше не выглядел как ухоженный, надменный денди, а скорее походил на пирата с искоркой чертовщины в глазах. – Не опозорь нас там. Возвращайся живым. И Томаса с собой прихвати, пока там шляешься, ладно? – Он перевел глаза на мужчину, заковывающего Джессу руки. – А ты, поджигатель, можешь не возвращаться. Увижу тебя опять, приятель, и... – Дарио сделал ленивый жест рукой, будто бы проводя ножом по горлу.

– Как мило, – мрачно отозвался Вульф из-за решетки в конце коридора. – Не буду мешать тебе заводить новых друзей, Сантьяго. – Он немного повысил голос, добавив: – Брайтвелл. Он прав. Возвращайся целым и невредимым.

Господи Боже. «Вульф теперь о нас беспокоится? Значит, мы и правда вляпались по уши».

Чужая рука грубо пихнула Джесса между лопатками, заставляя идти, и внешняя дверь тюрьмы отворилась, впуская солнечный свет, который казался таким ярким, что ослеплял, словно боль от столкновения со стеной. На пару мгновений

вений Джесс оказался в полном замешательстве, однако потом немного успокоился, когда поджигатель запер за ними дверь и повел их дальше.

«Быть начеку», – напомнил себе Джесс и моргнул, заставляя привыкшие к темноте глаза сфокусироваться. Здание, которое было отведено исключительно под содержание их под стражей, было длинным, низеньким и невзрачным, с одной стороны выходило на площадь, заросшую травой и густыми деревьями, которые начинали сбрасывать свою листву в преддверии осени. Арена, на которой их заставили наблюдать за сожжением книг, располагалась справа, а впереди, на другой стороне парка, возвышалось четырехэтажное здание из серого камня с голубыми вставками, изрезанное тоненькими окошками с арками, походящими на брови. На задней стороне этого здания возвышалась одинокая башенка со статуей: Бенджамин Франклин, библиотечный ученый, который впоследствии отрекся от своего поста, чтобы избрать путь поджигателя. Святой покровитель города, как говорят. Старую статую Уильяма Пенна уничтожили, чтобы возвести своего собственного героя.

Святой Франклин явно плохо справлялся со своими обязанностями. Город – хотя скорее он походил на деревню – Филадельфия был наполовину разрушен. Городская ратуша перед Джессом являлась единственным зданием более-менее приличных размеров, остальные же дома и магазины выглядели так, будто их собрали наспех, и, видимо, так и бы-

ло, ведь снаряды от баллист библиотеки регулярно разбивали стены, а учитывая, что в городе не хватало даже провизии из-за извечных войск, стоящих вокруг, новые строительные материалы было сложно раздобыть. Так что уцелевшие здания собирали из остатков металла, разномастных кирпичей и камней, а также ошметков пиломатериалов, которые создавали свой стиль. «Может, они мне и не нравятся, но выживать они умеют», – пришлось признать Джессу. Люди здесь держались сотню лет, противостояли силам, которые без труда завоевали весь остальной мир.

Филадельфия являлась примером дерзости и бунтарства, который поджигатели показывали всему миру. Однако Джесса не покидали подозрения о том, что успех здесь заключался не столько в доблестных заслугах поджигателей, сколько в тайных мотивах самой Библиотеки, которая поддерживала в этих местах жизнь. Давно было принято решение: запретить поджигателей в их же стенах и ждать. У архивариуса имелось и без того много важных дел, и уничтожение города, видимо, находилось в конце его списка.

Горожане этих территорий выглядели так же потрепанным, как и здания, одежда на них состояла из заштопанных, изношенных лохмотьев, непривлекательных, но практичных. Джесс видел группки людей, шагающих бок о бок по улицам, точно племена европейского, африканского и азиатского происхождения. Странно, насколько разными здесь были люди и как они умудрились все же уживаться вместе. Виной

всему, полагал Джесс, был общий для всех враг. Для поджигателей это место, должно быть, являлось столь же привлекательным, как Александрия для молодых ученых. Джесс на своей шкуре испытал и увидел, каким богатым разнообразием обладала Александрия. Однако отчего-то он не ожидал такого же разнообразия от поджигателей.

В воздухе ненавязчиво витал аромат пепла, тянущийся со стадиона, который смешивался с прохладным ветерком, играющим с листвой. «Интересно, как они отапливают дома», – подумал Джесс. Зимы здесь, наверное, суровые. Филадельфия выжила лишь за счет своей гордой самоуверенности.

«Гордой самоуверенности и контрабандистов». Без контрабандистов, добывающих еду, топливо, оружие и разные материалы, тут явно не выжить. Прощмыгнуть мимо библиотечных солдат будет делом не из легких, однако сложности и прокармливали людей вроде местного клана, таких, кто совал носы в дела Библиотеки на протяжении даже больших лет, чем насчитывает семейное древо самого Джесса. А ведь у Брайтвеллов повсюду были кузены – братья по делу, не по крови. Тот, кто доставляет провизию в Филадельфию, точно был предан семье Джесса. Иначе никак.

Вопрос, однако, заключался в том, кому можно доверять и – насколько доверять. Сейчас же Джесс не доверял никому, помимо своих друзей и приятелей.

– Куда мы идем? – спросил он у поджигателя, хотя и был

почти уверен, что и без того знает ответ. – С Томасом все в порядке?

За свои вопросы Джесс не был награжден даже взглядом, отчего он занервничал только сильнее, и холодные мурашки побежали по спине. Лучше бы Томасу быть до сих пор целым и невредимым, иначе кто-нибудь – предпочтительно Уиллингер Бек – обязательно заплатит за пролитую кровь.

Стены, возвышающиеся вокруг Филадельфии, оказались усеяны заплатками, точно как и здания города, однако что-то в них должно было быть особенным, ведь у Великой библиотеки в распоряжении имелось немало греческого огня и другого не менее жуткого оружия для войны, и, чтобы выстоять против непрекращающихся натисков врага, потребовалась бы помощь скрывателей. У поджигателей наверняка был хотя бы один, к тому же очень талантливый. «Томас прав, – подумал Джесс. – Они схватят Морган, потому что нуждаются в ней. Она может им много чем помочь». Что ж, пусть попытаются. Морган была куда умнее Джесса, да и сбегала от жаждущих ее поймать недоброжелателей почти всю свою жизнь. А когда ее поймали, то все равно не позволила долго держать себя взаперти. Значит, и у поджигателей ничего не выйдет.

– Двигайся, – проворчал стражник Джесса и жестко толкнул его между лопаток. Джесс пошатнулся, но устоял, а затем одарил мужчину невеселой улыбкой.

– Я могу побежать, – сказал Джесс. – Если хотите устроить

забег.

В ответ на это стражник положил руку на свой пистолет.

– Так и знал, что откажетесь. Будем честны, вы не в форме, так что даже за моей дорогой престарелой бабулей бы не угнались.

– Заткнись, книголюб.

По-прежнему было смешно слышать такое оскорбление.

Джесс приказал себе запоминать все, что видел: расположение деревьев, зданий, улиц. Было бы неплохо еще получить возможность подойти поближе и поискать везде потайные двери. Тут точно должны быть двери, о которых знают лишь контрабандисты и городская стража. Джесс сомневался, что тайники остались бы, если бы знающий свое дело вор – а он себя считал таковым, – получил бы шанс хорошенько осмотреться.

Джесса привели напрямиком к городской ратуше, единственному зданию, которое еще хоть как-то сохраняло архитектурный облик. Целое здание, однако, от войны не укроешь, так что даже на ратуше виднелись места, где гранит в них оплавился и деформировался, а где стены оказались разбиты и собраны обратно. Тем не менее здание сохраняло свое чопорное, упрямое величие, что было видно особенно сегодня, под ясным, голубым небом, нависающим дугой над их головами. Башня ратуши, как бы это ни было удивительным, все еще оставалась неповрежденной. Напоминала о минувших мирных временах.

– Так, а что за ней? – спросил опять Джесс. – Да ладно вам. Как будто я сам не узнаю, когда в окно выгляну.

– Поля, – ответил один из сопровождавших. Интересно. Значит, горожане Филадельфии выращивали достаточно и старались не полагаться лишь на благосклонность контрабандистов. Что ж, их можно понять.

Однако это также делало их и уязвимыми, хотя Джесс сомневался, что люди это понимают.

Войдя в ратушу, Джесс словно попал в щедрый на декор античный мир. Здание изначально строилось в качестве сепареума Великой библиотеки, так что внутри все еще сохранились элегантные эмблемы, являвшиеся библиотечной визитной карточкой, прилепленные на высокие колонны, мраморные плиты под ногами и всевозможные украшения.

Что же здесь *не* сохранилось, так это книги. Ни книжных стеллажей, ни Кодексов, ни статуй библиотекарей. В самом центре главного зала инкрустированный на полу узор, который они миновали, выглядел куда скуднее всего остального, и Джесс пришел к выводу, что там однажды была эмблема Библиотеки, однако разбилась, а местные мастера подлатали на свой лад. Теперь символ, по которому они прошли, изображал раскрытую книгу, объятую языками пламени, полыхающими на корежащихся, горящих страницах. До отвращения к месту.

Джесс и его стражники поднялись по лестнице, огибающей здание до третьего этажа, а затем миновали длинный

коридор, облицованный темным деревом и украшенный старыми портретами американской знати. Огромная, искусно выполненная картина в конце коридора изображала одну из битв за город: героическую армию поджигателей, восставших против библиотечных войск, а вокруг них пылали жуткие, зеленые языки пламени греческого огня, поглощающего деревья и здания. Картина вызывала ужас и восхищение одновременно.

Джесс постарался не смотреть на другие иллюстрации победы поджигателей, на которых были стопки книг, собранные в кучу на лестнице этого самого здания и объятые пламенем. При виде подобного Джессу тут же хотелось схватить нож и уничтожить картину. Сжигать книги, неважно по религиозным или политическим соображениям, по мнению Джесса, подразумевало только одно – зло.

Один из стражников постучал в дверь, и приглушенный голос по ту сторону ответил:

– Входите.

Тогда стражник распахнул тяжеленную дверь в конце коридора. Джесса подтолкнули вперед – будто он без помощи бы не сообразил что к чему, – однако сами поджигатели, сопровождавшие его сюда из тюрьмы, входить не стали.

– Прикрой за собой дверь, а то сквозняк будет, – произнес мужчина, сидящий за столом: Уиллингер Бек. Он выглядел как никогда самодовольно и надменно. Джесс подчинился, скорее чтобы между ним и стражниками появилась прегра-

да, чем чтобы услужить Уиллингеру.

Джесс проигнорировал Бека, потому что сбоку сидел Томас, расположившийся в уютном бархатном кресле, которое было достаточно большим для крупных размеров товарища и казалось даже пропорциональным. Томас поднял глаза, встретив взгляд Джесса, и едва заметно кивнул. «Я в порядке». Джесс не был уверен, что это действительно так, но понимал, что Томас пытается донести. И, сказать по правде, оказаться за пределами тюремной камеры, наверное, лучше, чем любые угрозы, какие Бек был способен здесь высказать.

Кабинет не особо-то внушал страх. Он скорее выглядел напыщенным по сравнению с руинами и бедностью, царящими в остальном городе.

Сам кабинет украшали блестящие деревянные панели, изысканные, удобные кресла и стулья, а письменный стол казался настолько огромным, что сошел бы, видимо, за обеденный стол человек на восемь, если не считать наваленные на нем бумаги. В кабинете имелись и стеллажи с книгами... оригинальными книгами, и ни единого библиотечного бланка среди них не было. Некоторые книжные корешки красовались позолотой, намекая на свою редкость, и Джесс узнал даже парочку книг, которые сам читал, держал в руках и тайно доставлял, бегая по Лондону по заданиям своего отца. Большинство книг здесь выглядели потрепанными и неуклюжими, определенно являясь творениями рук местных мастеров.

Однако от чего у Джесса скрутило желудок, так это книги, которые – почти составляя добрую сотню – лежали стопками рядом с Томасом. Джесс узнал эти книги, как узнал и пакеты и сумки, которые теперь валялись в углу и в которых эти книги принесли. Это были те самые фолианты, которые Джесс с друзьями спас из александрийских Черных архивов. Запрещенные книги. Книги, полные опасных идей, изобретений и знаний.

Томас, как осознал Джесс, как раз читал одну из этих книг.

– О-о, – начал Бек и поднялся из-за своего стола, чтобы подойти к креслу Томаса. – Проходи, садись. Нам с тобой есть что обсудить.

– Мне и здесь неплохо, – ответил Джесс. Ему куда больше нравилось оставаться на ногах, быть подвижным. Он уже начал изучать помещение, соображая, как отсюда можно сбежать – пожалуй, широкие окна станут лучшим вариантом. Нужно лишь швырнуть одну из тяжелых настольных статуэток в стекло, и ох, сколько открывается тогда возможностей. Больше всего Джесса беспокоило, как он будет убеждать Томаса последовать за ним. Но будем решать проблемы по мере их поступления. «Я мог бы убить Бека попутно».

– Я сказал, сядь, – произнес Бек, и вместе с приветливым тоном резко улетучился и весь его дружелюбный настрой, что уже больше походило на правду. Джесс в ответ уперся плечом в стену между двумя картинами, на которые даже

не взглянул, и скрестил руки на груди. Молчание затянулось почти на полминуты, прежде чем Бек сделал вид, что Джесс только что и не пренебрег приказом, и повернулся к Томасу: – Ты говорил, он станет сотрудничать.

– Станет, – без запинки отозвался Томас. – Когда объясните ему, зачем он здесь.

Беку все это не нравилось, осознал Джесс. Ему не нравилось, что Томас, вопреки здравому смыслу и ситуации, заправлял положением дел. И ему явно не нравилось притворяться культурным. «Ну и хорошо», – подумал Джесс, представляя, как все эти книги обратятся в пепел, развеянный по ветру.

– Что ж, вы меня заинтриговали, – сказал Джесс. – Продолжайте.

Томас не продолжил, отчего пришлось говорить Беку, а точнее, не говорить, а ворчать:

– Он сказал мне, что вы вдвоем можете соорудить приспособление для репродукции оригинальных книг, работающее без помощи скрывателя или же копировальщика. Сказал, что для работы вы нужны оба.

– Это правда, – отозвался Томас. – Моя первая модель вышла грубоватой и нестабильной. Джесс предложил немало улучшений, которые помогли машине работать исправно.

Томас научился отлично врать. «Я плохо на него влияю», – подумал Джесс и внезапно почувствовал гордость за это. Бек сердито покосился на них обоих, сначала на То-

маса, а потом на Джесса, который в ответ лишь пожал плечами.

– Рассуждайте об этом так, – сказал Джесс. – С нашей помощью вы сможете пошатнуть власть Библиотеки куда сильнее, чем от простого уничтожения книг.

– Это правда, – сказал Томас. – Как обесценить государственную валюту? Печатать все больше и больше денег до тех пор, пока они не обесценятся. Знания являются главной валютой Великой библиотеки. Если сделать так, что книги станут общедоступными без ограничений, Библиотека потеряет над вами власть. Потеряет власть над всеми.

Непроницаемое выражение лица Бека – суровое – не изменилось, и Джесс поймал себя на мысли, что этот мужчина, возможно, либо очень глуп, либо очень умело держит свои козыри при себе. Учитывая, как ему удастся так долго выживать и оставаться предводителем поджигателей, ответ, скорее всего, кроется во втором варианте. Рука Бека потянулась к ручке на столе, и он начал вертеть ее между пальцами, когда он уселся обратно в кресло, глядя в упор на Джесса – только на Джесса – и о чем-то раздумывая.

– Я вас услышал, – произнес он наконец. Явно тянул время. – Очень любопытно.

Джесс вздохнул и сказал:

– Давайте ближе к сути.

Беку определенно не нравилось, когда его подгоняют. Ему, вероятно, хотелось сделать вид, что он всерьез размыш-

ляет над предложением, однако Джесс понимал, что решение мужчина уже принял. Так что вопреки своему суровому выражению лица, Бек вскоре продолжил:

– У нас нет возможности отправить книги, сколько бы вы их ни создали, за пределы стен города. Если, конечно, у вас нет какого-то магического решения для их транспортировки... с помощью вашей скрывательницы, например...

«Пусть не впутывает сюда Морган», – подумал Джесс, однако не знал, какой знак подойдет, чтобы сообщить об этом без слов Томасу.

Да это оказалось и не нужно.

– Вы не улавливаете сути, – сказал Томас, не моргнув и глазом. – Мы предлагаем способ, в котором необходимость в скрывателях отпадает вовсе. Мы построим для вас механизм и предоставим чертежи, по которым можно будет построить еще больше таких механизмов из простейших составляющих, которые можно раздобыть где угодно. Отправьте за стены города чертежи, не книги. Создайте книжные издательства в каждом уголке мира.

Теперь жадную искорку в глазах Уиллингеру скрыть все же не удалось, она проскользнула сквозь суровую маску на его лице на долю секунды, а затем исчезла бесследно, вновь вернув ему его профессионально скупающий вид.

– Для начала мне нужно увидеть подобное чудо в действии.

– Разумеется, – ответил Джесс. – И увидите, если предо-

ставите нам инструменты и возможность построить машину.

– И вы предоставите письменные инструкции по строительству этой машины в обмен на что именно?

– Свободу, – сказал Джесс. – В обмен вы освободите нас и всех наших друзей.

В ответ на это Бек невесело усмехнулся и произнес:

– Я не могу отпустить на свободу за пределы наших стен даже своих собственных людей. С чего вы взяли, что я могу пообещать подобное вам?

– Он имеет в виду то, что вы гарантируете нам свободу здесь, в Филадельфии, – сказал Томас. Он включился в беседу так легко и непринужденно, что Джесс даже не понял, ожидал ли Томас, что Бек начнет спорить, или же просто быстро среагировал. – Никаких больше тюремных камер. Вы будете нас кормить и позволите жить, как пожелаем. На свободе.

Теперь Бек рассмеялся уже в голос, однако коротко и безрадостно, и тут же сказал:

– Нет, – отрезал он. – Вы, должно быть, считаете меня мямлей и идиотом. Отпустить на свободу ученых и солдат, чтобы они разрушили наш город? Да я скорее продам вас библиотечным войскам!

Этого Джессу с друзьями точно не хотелось. Он думал, что как только в Библиотеке выяснят, что профессор Вульф и его студенты выжили в битве в Лондоне и оказались в ловушке в Филадельфии, архивариусу не составит труда сооб-

разить, что к чему: пора уничтожить весь город. И убить их в процессе. Удобно и вдвойне выгодно.

– Сделка с библиотечными войсками не принесет вам ни капли выгоды в отличие от сделки с моей семьей, – сказал Джесс, тем самым ставя точку в их спорах. – Полагаю, вы знаете моего отца. Каллума Брайтвелла.

Джесс точно увидел, когда мировоззрение Уиллингера Бека переменялось. Глаза мужчины распахнулись шире, он моргнул. В этот самый момент он уже и не выглядел как человек, умеющий играть в игры, требующие навыка блефовать.

– Брайтвелл, – повторил Уиллингер так, словно не верил своим ушам. – *Брайтвелл*. – Второй раз имя прозвучало с нескрываемым огорчением.

– Вижу, вы с ним знакомы, – продолжил Джесс. – Предположу, что вам приходится работать с контрабандистами, чтобы выжить тут. Возможно, будет ошибкой с вашей стороны ссориться с одной из самых влиятельных семей ради глупой ошибки, которую можно предотвратить.

Выражение лица Бека застыло, а щеки покрыли красные пятна. И все-таки он был не из тех, кто торопит события. Он задумался. И пока он думал, Джесс покосился на Томаса, который в ответ молча вскинул, а затем опустил брови. Удивился? Забеспокоился? Сложно сказать.

Вскоре Бек снова совладал со своими эмоциями. Голос его зазвучал опять ровно, но напряжение, опасное, как клы-

ки у акулы, все же по-прежнему проскальзывало в нем:

– А я и не заметил сходства. Да, я знаком с твоим знаменитым отцом и не менее выдающимся братом.

«Ну разумеется», – подумал Джесс.

– Моего знаменитого отца и не менее выдающегося брата подставили ваши люди у реки в Лондоне, – сказал Джесс. – Отец будет не в лучшем расположении духа. И не станет терпеть очередное оскорбление своей семьи.

– Никогда не слышал, что у него есть сын в библиотечной форме. Мне любопытно, а ты по-прежнему считаешься частью семьи?

Слова Бека задели за живое, ужалили. Однако Джесс лишь улыбнулся, чтобы скрыть это, и ответил:

– О-о, Каллум Брайтвелл отлично осведомлен о том, какая на мне форма. Гарантирую вам, отправить меня в Библиотеку было его идеей. – И то и другое было правдой. Эти две фразы не совсем точно описывали положение дел, тем не менее Джесс заметил, что Бек начал сомневаться в своей правоте.

В конце концов Уиллингер решил избрать осторожную тактику и сказал:

– Он всегда вел с нами дела честно. Даже симпатизировал нам. Думаю, я могу полагаться на него в нашем бизнесе, каковы бы ни были... твои обстоятельства.

– Мой отец превыше всего ценит две вещи: свой бизнес и свою семью. Для него и то и другое одинаково важно. И если

вы обидите меня, его сына, — или же моих друзей, то могу поклясться, он воспримет все на свой счет.

Бек не спешил с ответом, обдумывая свое решение. Он вновь поднялся, подошел к окну и выглянул, сложив за спиной руки. С падавшим ему на лицо мягким светом он походил на искусный портрет политика. Джесс задумался, а не специально ли он так встал — чтобы произвести впечатление.

— Мне следует делать то, что в интересах моих людей, разумеется, — наконец заговорил Бек. — И вражда с Брайтвеллами, пожалуй, не в их интересах.

— Здравая мысль, — сказал Джесс. Он был не против и похвалить человека, когда тот говорит очевидные факты, и если эти факты играют Джессу на пользу. — Я бы посоветовал вам дать мне возможность написать отцу письмо и все ему объяснить.

Бек ничего на это не ответил. Он еще долго смотрел в окно, пока в полной тишине кабинета тикали часы, а затем повернулся к Джессу с Томасом с внезапной улыбкой на лице. Слишком уж широкой улыбкой. Слишком уж теплой.

— Нет, — сказал он. — Думаю, я лучше напишу ему сам. Не сомневаюсь, что пока ты находишься в Филадельфии с нами, он охотно захочет нам помогать. И, конечно же, я приветствую идею создания этой машины, о которой вы говорите. Мы можем обсудить некоторые небольшие привилегии для ваших друзей на время вашей работы. — Затем он обратился к Томасу и добавил: — Вас это устраивает, профессор Шрай-

бер?

Такая речь, подумал Джесс, немного удивляла. Здесь одновременно и признание, что они в заложниках, и обещание привилегий, и, точно вишенка на торте, обращение к Томасу с по праву заслуженным званием. Званием, которое поджигатели обычно используют в качестве насмешки.

– Нет, – сказал Томас. Он явно не был дипломатом. Всегда говорил прямо, открыто и начистоту. – За то, что мы тешим ваше самолюбие, за еду и доверие вы получаете оружие, которое никого не убивает и ничего не уничтожает, но зато даст отпор тирании, которой вы якобы противостоите. Жизнь человека дороже книги – таков ваш девиз. Мы можем доказать это на деле, а не просто на словах.

В тишине, последовавшей за словами Томаса – тяжелыми, уверенными, мудрыми словами, – Джессу показалось, он буквально может почувствовать, как вокруг него меняется мир. Медленно, но меняется.

По взгляду Уиллингера Бека Джесс видел, что и тот это тоже почувствовал. Однако этот мужчина выживал так долго не за счет того, что был доверчивым.

– Я предоставлю вам все необходимое для строительства вашей машины, а также еду для вас двоих – только вас двоих, – сказал Бек. – Порции у нас здесь на вес золота. Остальным придется зарабатывать на хлеб своим трудом, и пускай двери тюрьмы и останутся незапертыми, о свободе перемещений для вас речи быть не может. Вы либо ходите со

стражей, либо не ходите вообще. Если ваша машина и правда оправдывает ожидания, тогда вы заслужите дополнительные права. Не раньше.

Джесс встретился взглядом с Томасом, и Томас сдержанно пожал плечами. Очень по-немецки, отчего Джессу стало приятно. «Может сработать». Он кивнул Томасу.

– Сойдет, – сказал друг. Глядя на него, Джесс внезапно увидел того самого ученого, каким Томас мог бы стать в один прекрасный день – уверенного, сконцентрированного, рассудительного и спокойного, а еще чертовски умного. Великого человека, нужно было лишь остаться теперь в живых. – Я составлю вам список всего, что нам понадобится.

Бек рассмеялся. Смех вышел безжизненным.

– Можешь составлять сколько угодно списков, мой мальчик. У нас есть что есть, и придется довольствоваться этим, как и все мы. А твоему отцу я напишу, Брайтвелл. И если у нас не найдется того, что вам необходимо, мы обратимся к нему. Думаю, он будет рад посодействовать, если узнает, что жизнь его сына в такой же опасности, как и все наши.

Может быть. Однако старший брат Джесса Лиам когда-то умер в петле в Лондоне, и похоронили его в неизвестной могиле как безымянного контрабандиста книг. «Па мог бы его спасти». Но – па не спас, потому что оказаться пойманным, по его мнению, приравнивается к смертному греху.

Джесса тоже поймали. Только теперь нужно было заставить Бека поверить в обратное.

Кажется, договоренность была достигнута, так что Джесс позволил себе слегка расслабить плечи... и поторопился, потому что Бек внезапно произнес:

– Еще кое-что. Вы в курсе, что капитан Санти некогда командовал войском за пределами наших стен?

– Неужели? – переспросил Джесс. И пожал плечами. Он не собирался отвечать на этот вопрос. Джесс рассчитывал, что Бек знал имена не всех капитанов, бывавших в военном лагере за стенами.

– Он сядет рядом с моим капитаном, Индирой, и покажет ей на карте все, что знает о библиотечных войсках. О сильных сторонах отрядов, расположении палаток, режиме дня. Все.

«Он не станет этого делать». – Джесс тут же это осознал. Санти, может, и отвернулся от Библиотеки, но предавать библиотечных солдат? Ни за что.

А в следующий миг Джесс подумал: «Но капитану Санти может понравиться возможность немножко наврать». Так что Джесс помедлил, а затем непринужденно ответил все таким же спокойным тоном:

– Я передам вашу просьбу.

– Это была не просьба.

Джесс уставился на Бека в ответ, не говоря ни слова. Было в Беке что-то, что очень сильно напоминало ему об отце. И сравнение это Джессу совсем не нравилось, поэтому он не прочь был заставить Уиллингера подождать. Знал, что отцу

всегда не терпелось, когда кто-то отвечал ему молчанием.

Так же отреагировал и Бек.

– Его будут ждать утром, – сказал Бек. – Передай ему, чтобы обратился к Индире. Если не прибудет с рассветом, его приволокут в кандалах.

– Все, кроме нас двоих, будут здесь у вас завтра, – сказал Томас. – Профессора и Морган начнут переводить книги. Это заработает им на ваш хлеб, так?

– Ваша девчонка-солдатка... Уотен, верно? Уотен мне не нужна, – начал было Бек, но Томас его оборвал:

– Командир Глен Уотен является личной охраной профессора Сеиф. Они остаются вместе. Таков протокол.

Это и впрямь была отличная ложь, и Джесс не мог не восхититься. Это одновременно делало Халилу загадочно важной и наделяло статусом и Глен. У Бека, наверное, имеется некая информация о них всех, но точно не вся. Нужно было лишь вести себя осторожно.

Бек в ответ мрачно усмехнулся, обиженно поправил ворот своего пиджака и проворчал:

– Протокол!

– Считайте, это для вашей же безопасности, – сказал Джесс. – Один из ваших людей оскорбил профессора Сеиф, и она не в настроении все прощать.

– Если Сеиф такая неженка, может оставаться в камере!

Томас внезапно захлопнул книгу, которую держал в руках. Вышло на удивление громко, и, пока все были в заме-

шательстве, Томас поднялся на ноги.

– Обращаться к ней необходимо как к *профессору* Сеиф, и если вам нужен перевод ваших книг, вам она нужна в первую очередь, – сказал Томас. – Ваш человек потянул к ней свои руки. Такого больше не должно повториться.

– О, теперь будем угрожать? Должно быть, думаете, вы опасны, – сказал Бек.

Джесс вскинул брови, покосившись на Томаса.

– Мы опасные? – уточнил он.

– Иногда, – кладбищенским тоном ответил Томас.

Впервые с момента их знакомства Бек потерял терпение. Он вдруг резко хлопнул обеими ладонями по столу, отчего бумаги на том полетели в разные стороны.

– Мы тут не в игры играем, избалованные вы дети! – воскликнул он. – Думаете, легко мне защищать и прокармливать свой народ, заботясь о том, чтобы у каждого был теплый дом, когда Библиотека подвергает наш город регулярным бомбежкам? Лучше заткнитесь и будьте благодарны за то, что я вас терплю, иначе в будущем с вами вообще никто церемониться не станет!

Джесс открыл было рот, чтобы ответить, однако промолчал, когда Томас покачал ему головой. «Лучше пусть будет, как он хочет, – понял Джесс. – То, что нам необходимо, мы получили».

Томас совершенно спокойно поклонился. Вышло естественно.

– Спасибо вам, – сказал Томас.

– Просто проваливайте!

Томас покорно кивнул, и, когда двери кабинета Бека пахнулись, они отправились следом за высокой стражницей, обратно по длинному коридору. Еще несколько солдат шагали у них за спинами.

– Вы Индира, – сказал Джесс. Женщина покосилась на него. Нехотя. – Вы здесь главная?

– Если это тебя касается, – ответила она. Больше ничего не добавила. Джесс попытался ей улыбнуться, однако отлично понимал, что на фоне Томаса со своим очарованием парнишки с фермы выглядел больше похожим на преступника. Так что на Индиру преступное очарование Джесса не подействовало. Поэтому Джесс вскоре бросил свои попытки выглядеть добродушным и занялся тем, что начал запоминать детали здания, которые они проходили, и все, что было видно снаружи.

Они шагали по лестнице крыльца, когда сигнализация сработала в первый раз. Звук завывал ужасно, исходя, кажется, со всех сторон. Из-за городских стен. Становился то громче, то тише, словно рев заблудшей души, и, несмотря на то, что Джесс понимал, что это такое, ему было не по себе, и в животе все скрутило. Пришлось постараться, чтобы не позволить себе зажать руками уши.

– Что это такое? – крикнул Томас у уха Джесса, и хотя его голос оказался едва различим, в нем отчетливо слышалась

нотка паники.

– Предупреждение о нападении библиотечных войск, – крикнул в ответ Джесс. – Бомбардировка.

Джессу приходилось переживать подобное во время обучения, однако он не ожидал услышать звук так близко сейчас. Это походило на нечто древнее и потустороннее, словно вопли богов, и должно было предупредить горожан о том, что вот-вот развернется ад.

И жители Филадельфии, как заметил Джесс, были к подобному приспособлены. Никто не спешил зажимать уши, не считая маленьких детей.

Индира схватила Джесса за руку, стиснув ее так, будто наручники нацепили, и поволокла за собой еще быстрее. Зашагала спешно, но все равно спокойно, как шагали все люди на улицах, каких Джесс видел вокруг. Когда Индира повела Джесса с Томасом направо и остальная их стража последовала за ними, Джесс заметил, что народ уже тоже стекается в этом направлении, к некой двери. Джесс чуть было не выдернул руку. Если у нападающих греческий огонь, здание не спасет – оно вспыхнет, запылав вокруг тебя и зажав в ловушку, останется лишь умирать в муках.

Индира заметила сомнения Джесса и крикнула:

– В подвал!

Уже лучше. Не идеально, но лучше.

Они как раз подошли к ступенькам, которые вели вниз во тьму, когда сигнализация вдруг оборвалась последним

предупреждающим ревом, и воцарилась тяжелая тишина, не предвещающая ничего хорошего.

– Погодите! – Джесс попытался развернуться. – Но остальные...

Индира толкнула его вперед, со словами:

– Им придется позаботиться о себе самостоятельно, и да поможет им теперь Бог. Двигайся!

– Она права, – сказал Томас. – Мы ни за что не успеем добраться до них вовремя.

«Я быстро бегаю», – хотел было запротестовать Джесс, но, даже если он успеет до первой атаки, что будет делать? Успет ли отпереть тюремные камеры? У Морган была его отмычка, но она может не сообразить, как той воспользоваться, если паника захлестнет...

И все равно Джесс попытался развернуться, но Томас положил свою огромную руку ему на шею сзади и подтолкнул вперед, вниз по лестнице, так что иного выхода не оставалось.

Когда Джесс наконец придумал, как выкрутиться, они уже спустились вниз, а наверху трое крепких мужчин скрипнули петлями массивной створки, распахивающейся вовнутрь, и наглухо заперли ее. Это, по крайней мере, было умным решением; дверь, открывающаяся наружу, может оказаться под обломками. А так они хотя бы смогут разобрать завалы и выбраться, если потребуется.

«Они там совсем одни. Заперты».

Джесс повернулся к Томасу. Он бы уже начал кричать на друга, но вдруг увидел его лицо. Увидел слезы, блестящие в глазах. Они лишили Джесса дара речи.

– Мы бы не успели вовремя, – сказал Томас. – Прости.

Джесс уже не хотел кричать, но и согласиться он тоже не мог. Поэтому просто отвернулся.

Помещение внутри освещали свечи и масляные лампы, и всюду стояли длинные деревянные лавки, которые отлично бы вписались в паб. Жители Филадельфии сидели рядами в полной тишине, подняв глаза к глухому потолку.

– Сядьте, – сказала Индира и толкнула Джесса вниз своей твердой рукой на его плече, вынуждая опуститься. Она усе-лась рядом с ним на скамейку, а с другой стороны место занял Томас, пока двое сопровождавших их на пути сюда мужчин встали у входа, хотя вряд ли кто-либо захотел бы сейчас бежать прочь. – Тихо.

Джесс сделал вдох, почувствовав резкий запах чужого по-та, и вслушивался в нервное дыхание людей вокруг. Все смотрели наверх.

Затем мир над ними пошатнулся от такого удара, будто нога великана стукнула по земле.

С потолка посыпалась пыль, и Джесс пригнулся, закаш-лявшись. Люди, сидящие вокруг, зашептались: пожилой, се-дой мужчина европейской внешности с резной деревянной трубкой в руках, худенькая женщина, походящая на корен-ную жительницу Америки, с косичками, заплетенными узо-

ром на ее длинных черных волосах, двое африканских детишек, держащихся за руки. Испуганные, но в отчаянии тихие.

Люди в бункере все молчали, когда упал новый библиотечный снаряд, а потолок задрожал, пока Филадельфия над ними горела. Джесс подумал о несочетаемых деталях из дерева и кирпича, а также камня и металла, из которых были выстроены местные дома и магазины. Что не сгорит, то разлетится на куски. И все же, когда Джесс смотрел по сторонам, он не видел в глазах людей отчаяния.

Он видел уверенность.

Завтра, а может, даже уже через час они начнут собирать руины зданий заново. Джесс не любил поджигателей. Не соглашался с их философией по многим аспектам. Однако он мог узнать смелость, когда ее видел. Было бы куда проще, если бы Джесс мог видеть в них только лишь врагов, а не... людей.

Прошло всего несколько минут, а затем грохот разлетающихся снаружи снарядов стих. Джесс учуял греческий огонь... невозможно было не узнать его резкую, сладковатую вонь. В бункере было тепло, подумал Джесс, однако недостаточно жарко, чтобы решить, что огонь полыхает прямо над ними. Все ждали. Дети начали было капризничать, но их успокоили, и никто не говорил.

Все расслабились, когда по ту сторону двери подвала слышался внезапный громкий стук.

– Все чисто, – сказала Индира, и будто с каждого сняли

некое заклятие, люди вокруг поднялись на ноги и глубоко вздохнули. Но никто не выглядел успокоившимся. Трое muscularных стражников распахнули дверь и закрепили ее на щеколде, чтобы все могли медленно, неторопливо выйти.

Джесс последовал за остальными и, выйдя, оказался в аду. Филадельфия оказалась хаосом из руин, огня, дыма и криков.

Часть городской ратуши оказалась разрушена, и теперь на том месте полыхали яркие языки зеленого пламени. Группа людей, пронесшись мимо Джесса, приволокла к ратуше длинную телегу, затем двое забрались на вагон, раскрутив вентиль, а остальные размотали длинный шланг и направили его на пожарище. Струящаяся из шланга пена потушила огонь, как вода бы не справилась; греческий огонь был плачевно известен именно этим, он содержал в своем составе масло, которое летело в разные стороны и вспыхивало само по себе, так что ничто, помимо густого порошка или пены, не могло его потушить. Как только с пламенем разобрались, стало очевидно, что потеряна как минимум четверть здания – хотя и не та часть, в которой Джесс встречался с Беком. Если целью Библиотеки было убийство предводителя поджигателей, то они явно промахнулись.

Многие другие здания на улице дымились. С десяток были разрушены, а дальше, где, кажется, стояли жилые дома, половина горела зеленым огнем. Некоторые уже почернели, и лишь пепел и обуглившиеся доски валялись со всех сторон.

Люди расходились быстро, целенаправленно, однако Джесс заметил и жертвы среди людей – у обочины рыдала женщина, прижимая к груди ребенка. Мужчина с обгоревшим лицом пошатывался, ковыляя подальше от дыма. Солдаты доставали тело из-под завалов.

До сих пор Джессу удавалось справляться, но теперь паника наконец завладела им, и он повернулся в сторону тюрьмы, потому что часть ее тоже превратилась в дымящиеся, зеленоватые руины.

– Томас! – воскликнул Джесс и поспешил прямо через лужайку, по мягкой траве, мимо покачивающихся деревьев. Одно из них горело, и пришлось уклоняться от оранжевых листьев, обращающихся пеплом на лету. Дым затмевал небо. Джесс услышал, что Томас спешит за ним, услышал крики Индиры и ее охранников, но не остановился. Несколько спасателей уже собрались у тюрьмы, и высокий поджарый мужчина с тачкой уже закидывал огонь порошком.

Дверь в тюрьму оказалась заблокирована бетонным блоком, развалившимся на куски. Джесс поднял один из кусков и отбросил в сторону, пока мысленно вырисовывал для себя расположение камер. «Это дальний конец коридора, камера, которую делят Санти с Вульфом. Напротив Халилы и Глен».

Джесс не слышал криков внутри, отчего в душе у него все сводило от ужаса. Дым от греческого огня был токсичен. Морган проницательно говорила о том, что вентиляция внутри плохая.

Нужно было открыть дверь. «И поживее». Джесс даже не думал о том, чтобы просить о помощи, он лишь спешил растащить камни.

Томас подскочил к двери, чтобы помочь, и вместе они оттащили огромный кусок бетона от прохода. Мышцы Джесса жгло от напряжения, и острые края камней оставляли красные порезы на пальцах, а когда он сделал вдох, то почувствовал отвратительную вонь греческого огня. Джесс закашлялся так сильно, что пришлось выплюнуть черную желчь.

С Томасом они расчистили остатки завалов, отчаянным рывком отбросив последний булыжник, и Индира их распахала, прикладывая ключ к замочной скважине. Металл скрипнул, и Томас распахнул тяжелую дверь.

Джесс забежал в густое облако дыма. Снова закашлялся от ядовитого запаха и крикнул:

– Морган! – это первое, что пришло ему в голову. – Морган!

Он чуть было не забежал в камеру, дверь которой была распахнута.

– Здесь! – позвал голос, кашляя. Послышался звон металла о металл. – Мы здесь!

Джесс едва не запнулся о них в полумраке. Все были вместе – Халила, Глен, Санти, Вульф, Дарио и Морган, – забившись в кучу в угол подальше от дыма и огня, припав к земле, где самый чистый воздух. Джесс схватил Халилу с Морган и поднял их на ноги.

– Вперед, дверь открыта! – сказал он. Глен вскочила сама, подхватив за руку и Дарио. – Вперед!

Джесс потянулся было к Санти, но Вульф его остановил. Лицо профессора было бледное, как у призрака, а его вытянутая рука дрожала от спешки.

Он прижимал Санти к груди, точно оберегая и поддерживая.

Джесс склонился над ними. Дыхание перехватило, когда он увидел почерневший рукав капитана и покрасневшую, обгоревшую кожу под ним. Джесс посмотрел на Вульфа, чье выражение лица в этот момент было лишено всякого хладнокровия... но в следующий миг маска надменности вернулась на прежнее место.

– Осторожно, – сказал Вульф. – Ради Герона, осторожно!

Джесс подхватил Санти за целую руку, а Вульф поддерживал капитана обеими руками за талию, когда они все вместе поднялись. Джесс, не прикасаясь, осторожно приблизился к обожженной стороне, которая намекала на жуткую боль. Санти дышал сдавленно и тяжело, а лицо у него было бледное, как мрамор. Он все еще был в сознании, в муках.

– Все в порядке, капитан, – сказал Джесс и повел его прочь из камеры. Пытался говорить подбадривающе. – Вам скоро помогут. Все в порядке.

Санти вымученно охнул, и у него внезапно подкосились колени. Он всем своим весом упал на плечи Джесса и Вульфа, однако им удалось удержать его в вертикальном положе-

нии и выволочь сквозь удушающий дым на свежий воздух.

Ощущение напоминало Джессу восстание из могилы, пусть даже могила и была из руин.

Индира быстро раздала приказы и разместила Санти на траве, отправив одного из своих солдат за медиками, – нет, тут их называли докторами, вспомнил Джесс. Некоторые местные доктора обучались в Библиотеке, но отказывались признавать над собой власть библиотечного подразделения медиков, и, конечно, у них не было ни надлежащих больниц, ни лекарств. «Они, вероятно, лечатся припарками и народными средствами, – подумал Джесс, отчего ему стало нехорошо. – Санти бы легко помогли, будь мы по ту сторону стен». Однако все это не имело значения. Санти, как и все они, теперь застряли здесь, в городе, в котором их презирали и не доверяли, среди фанатиков, сжигающих книги, просто чтобы что-то доказать.

Санти медленно, тяжело вздохнул, а затем выдохнул. И все еще выглядел слишком бледным и дрожал, точно в конвульсиях.

– Со мной все хорошо, – соврал он. – Крис. Не злись.

– Ждешь, что я радоваться буду? – огрызнулся в ответ Вульф, однако, несмотря на то что выражение лица у него теперь было недовольным, пальцы его двигались осторожно, когда он отогнул обожженный рукав Санти, чтобы получше осмотреть ранение. Неприкрытая рука выглядела еще хуже: участок кожи на руке был сожжен почти до мышц, а где ко-

жа не сгорела, там выглядела опаленной и сморщившейся, что не предвещало ничего хорошего. – Джесс. Дай мне тот порошок. Сейчас же!

Внезапно резкий тон в голосе профессора заставил Джесса тут же подскочить на ноги без лишних вопросов. Он подбежал к тачке, зачерпнул ладонями, сколько мог, тяжеленного порошка, который филадельфиец использовал для тушения огня в тюрьме, и поспешил обратно.

Осознав, зачем это нужно, Джесс чуть было не оступился на ровном месте – рука Санти все еще *горела*. Сложно было разглядеть их при свете дня: эти маленькие зеленые искорки, – однако Джесс услышал треск греческого огня, который запылал с новой силой на открытом воздухе. И тот продолжит пылать, прожигая себе путь к костям, если его не потушат.

Джесс высыпал порошок на рану густым слоем и поспешил обратно за новой горстью. Новую порцию тоже высыпал – на всякий случай, он даже представить не мог, как подобное ощущается на голой коже и открытых нервах. Санти не издал ни звука, хотя трясло его куда сильнее, чем прежде, а выглядел он так, будто вот-вот потеряет сознание. Вульф поддерживал его в полусидячем положении, пытаясь держать покалеченную руку повыше и подальше от любой грязи.

Все напряженно ждали, наблюдая, чтобы удостовериться, что огонь не начнет разгораться вновь сквозь порошок. В конце концов из-под порошка показался побежденный язы-

чок дыма, и только тогда Джесс позволил себе немножко расслабиться. «Потушили».

Санти медленно закрыл глаза, и все остатки румянца покинули его щеки. Вульф выглядел почти так же ужасно, пока тарасился на руку Санти, готовый на случай, если пламя вдруг покажется вновь. Когда ничего подобного не произошло, он повернулся к Индире, которая тоже присела рядом, наблюдая.

– Нож, – потребовал Вульф. – Мне нужно разрезать ткань. Она тоже могла пропитаться токсинами.

Индира молча протянула профессору нож, и Вульф разрезал ткань рукава униформы Санти до самого плеча, обнажив мышцы бицепсов, старые шрамы и продолжение ожога. Выглядело плохо, подумал Джесс. Очень плохо.

Без тени эмоций на лице Индира произнесла:

– Его не спасти.

Вульф вскинул голову и схватил нож так, что по шее у Джесса пробежал холодок, а мускулы напряглись. В глазах у профессора буквально читалось убийство, и лишь факт того, что он прижимал к себе Санти, его сейчас и останавливал.

– Нет, спасти, – сказал Джесс. – Капитан бывал в передрягах и похуже. Нам нужен врач.

– У нас нет библиотечных врачей, – сказала Индира. – Есть только доктор.

– Где?

Она одним ловким движением поднялась на ноги.

– Отдайте мне нож, профессор, – сказала она. – Сейчас же. – Вульф не пошевелился, и Индира вытащила тяжелый пистолет, висевший у нее на поясе. – Немедленно.

Джесс потянулся и забрал нож. Он удивился своему порыву не меньше самого Вульфа, но что-то нужно было предпринять, чтобы ситуация не стала еще хуже. Джесс протянул нож Индире, рукояткой вперед, однако, когда она начала было его забирать, вцепился руками в плоскость лезвия.

– Доктора, – повторил Джесс.

Индира нетерпеливо вздохнула и сказала:

– Я вас отведу.

Ничего не добавляя, она развернулась и отправилась прочь, и Джесс, обменявшись взглядом с Вульфом, поспешил за ней следом. Он услышал чьи-то шаги за спиной и, обернувшись, увидел Морган, шагающую за ними. Она догнала Джесса и пошла бок о бок с ним. От жара огня волосы у нее растрепались, обрамляя лицо спутавшимися кудрями.

– Я воспользовалась отмычкой, – шепнула она. – Когда греческий огонь вспыхнул, я не могла думать ни о чем, кроме как о том, чтобы всех вызволить. Но отмычка сломалась, когда я пыталась вскрыть дверь выхода, и я не смогла ее отпереть. – Ее голос дрожал, и Джесс чувствовал, как тело ее содрогается. – Я думала, мы все там умрем, Джесс. Неужели капитан Санти...

– С ним все будет в порядке, – сказал Джесс, наврав, однако это, кажется, помогло. – Погоди. Ты сломала мою от-

мычку?

– Не надо. Не заставляй меня смеяться, Джесс, я испугалась, а тебя рядом не было.

– Знаю. – Ему никогда не хотелось поцеловать ее так сильно, как в этот самый момент, никогда так сильно не хотелось обнять лицо своими ладонями и заглянуть прямо в глаза, чтобы заставить почувствовать себя в безопасности. Однако времени на это совсем сейчас не было. – Ты спасла жизни.

– Куда ты идешь?

– Индира ведет нас к доктору для Санти. Его рука выглядит... – Джесс покачал головой. – Не знаю, насколько варварскую медицину они здесь практикуют. Надеюсь, ее будет достаточно.

– Иного выхода нет. – Морган вздохнула, и когда Джесс покосился на нее, то увидел, что от ужасов произошедшего и сопровождавших эти ужасы последствий у Морган начинают сдавать нервы. – Боже. Санти предупреждал нас, когда слышал вой сирен, говорил, что надо выбирать. Я сделала все, что было в моих силах, Джесс, правда, но...

– Ты справилась не хуже любого другого.

Она лишь покачала в ответ головой.

– По крайней мере я, может, смогу помочь врачу, – сказала она. – Скрыватели порой способны наделять медиков силами, ускорять процессы заживления, предотвращать инфекции...

Джессу ненавистна была сама мысль о том, чтобы раскрыть силы Морган другим людям, тогда она станет еще нужнее Беку и остальным поджигателям. . . однако ничего другого не оставалось, если они хотели помочь сейчас Санти.

Вслед за Индирой они побежали дальше по разрушенным, дымящимся останкам города поджигателей, и теперь Джесс понятия не имел, как сохранить всех целыми и невредимыми.

Записки

Текст письма Аврелия, императора римского мира, адресованного Зенобии, царице Востока. Доступен для чтения в Кодексе

Приказываю Вам сдать на условиях, которые я предлагаю, а именно: Вам сохранят жизнь, так что Вы сможете провести ее со своими друзьями там, где я, после совещания с августейшим римским сенатом, сочту нужным. Ваши драгоценные камни, серебро, золото и другие ценности будут переданы в римскую сокровищницу.

Текст письма с ответом от Зенобии, царицы Востока, адресованного императору Аврелию. Доступен для чтения в Кодексе

Вы ведете военные переговоры вовсе не пером, а мечом. И забываете, что мой предок, великая Клеопатра, предпочла смерть прекрасному рабству.

Текст указаний Верховного архивариуса Зорана. Доступен для чтения в Кодексе

Ради всего святого, пусть уже эти два гиганта столкнутся. У Зенобии, как мы слышали, имеется великолепная библиотека с коллекцией манускриптов, а в Риме до сих пор прячут редчайшие и избранные работы. Как только оба правителя окажутся на коленях,

мы установим мир – любой ценой.

Я стремлюсь к тому, чтобы Великая библиотека стала не просто скопищем знаний.

Я стремлюсь к тому, чтобы у нас имелись как перо, так и меч.

Глава третья

Индира заметила доктора еще издалека.

– Там, – сказала она. – Тот, что в длинном плаще и в шляпе. – Она тут же развернулась и схватила за руку проходящего мимо мужчину – одного из своих солдат, как понял Джесс, однако кто знает, может, Индира имела право распоряжаться кем угодно и любого заставить выполнять ее указания. – Отведи их к доктору. Следи за ними. Если попытаются сбежать, стреляй.

– Есть. – Мужчина сдержанно кивнул. Он выглядел молодо, не старше двадцати, однако взгляд у него был куда старше и серьезнее. Индира ушла, крича что-то группе людей, разбирающих завалы горящего здания рядом. Спасаящих, что еще можно было спасти.

Их новый стражник внимательно посмотрел на Джесса и Морган и произнес:

– Вы книголюбы.

– Угадал, – ответила Морган. – Где доктор?

– Там. – Молодой человек указал пальцем, и в этот самый момент стало ясно, что доктора сложно не увидеть. Это был высокий мужчина с внешностью коренных народов Америки, с длинными волосами, собранными в косу, ниспадающую по спине, а его шляпа с широкими полями была украшена красной лентой. Плащ его потускнел, а кожа, из которой тот

был сшит, истрепалась, и ее покрывали заплатки, однако все равно каким-то чудесным образом напоминал медицинский халат. Мужчина был тощий как тростинка, как и большинство жителей этого города, однако двигался плавно и уверенно, расталкивая толпу и склоняясь над кем-то, лежащим на земле.

– Пошли, – сказал Джесс, и они с Морган поспешили к доктору. Круг зевак сомкнулся, люди толпились плечом к плечу, однако Джесс давно привык протискиваться туда, где ему не были рады. Он надеялся, что их новый стражник не воспринял приказ Индиры буквально и не начнет стрелять, однако даже если и начнет, есть за кого спрятаться.

Как только они оказались на более-менее свободном участке земли, Джесс обнаружил, что стоит рядом с лежащей на дороге юной девушкой, которая глотала ртом воздух и чьи губы были синими, как чистое, точно эмаль, небо. Доктор присел рядом с ней, прижав пальцы к ее запястью, затем к ее шее. Приложил ухо к ее груди, а потом щелкнул пальцами, не поднимая глаз. Указал точно на... Джесса.

– У меня в сумке есть пузырек с красным шнурком. До-стань, – сказал он.

Упомянутая сумка лежала прямо у ног Джесса, и он склонился, рыская в ее содержимом. Там была куча разно-мастных пузырьков и баночек, бо́льшая часть из которых с потрескавшимися, но аккуратно замазанными краями. «И этим тоже им приходится пользоваться повторно, – подумал

Джесс. – Даже такими общедоступными вещами, которые мы обычно выбрасываем в других частях мира. А тут каждая крошка на счету».

Пузырек с красным шнурком – хотя красным его явно уже давно можно было назвать с трудом, разве что серым с оттенком побледневшего оранжевого по краям, – лежал почти что на дне. Джесс вытащил его и протянул доктору, который нетерпеливо на него покосился.

– Ну? – сказал он. – Открывай!

Когда Джесс вскрыл пузырек, запах ударил его так сильно, что, кажется, осел где-то в глотке как маслянистый паразит, отчего Джесс невольно закашлялся и чуть не подавился, поскорее протянув пузырек в сторону доктора. Мужчина взял склянку, понюхал, даже не вздрогнув, а затем смочил ее содержимым два пальца, которыми затем провел под носом у девушки, лежавшей перед ним. Девушка охнула, сделав вдох, затем еще один и еще один. Каждый ее новый вдох становился глубже предыдущего, а румянец начал возвращаться к ее до этого пугающе бледным щекам.

– Хорошо, – сказал доктор и сунул пузырек обратно Джессу. – Закрой хорошенько. Если протечет, заплатишься за это.

Джесс кивнул и закрутил пробку мерзкой микстуры, задерживая дыхание в это время, однако вонь все равно каким-то образом смогла пробраться в его нос и рот до того, как он приладил крышку со шнурком на место. Когда Джесс

наконец расправился с поставленной перед ним задачей, девушка на земле уже сидела, держа доктора за руку, и дышала самостоятельно.

– Ты надышалась токсичных паров, – говорил ей доктор, – пусть пока настойка останется у тебя над верхней губой, и дыши ею, пока ощущение жидкости в легких не исчезнет. Кожу обожжет, и останется красное пятно, но это же куда лучше, чем смерть, правда? Помоги другим, когда будешь чувствовать себя лучше.

– Доктор... – начал было Джесс.

– Ты кто такой? – Доктор вскарабкался на ноги и помог подняться девушке. Передал ее двум другим людям, нервно поджидающим рядом. – Чего тебе надо?

– Нам нужна ваша помощь у тюрьмы, – сказал Джесс. – У нас кое-кто сильно пострадал от ожогов.

Доктор наконец впервые посмотрел на Джесса с неподдельным интересом.

– О, – сказал он. – Заключение. На вас все еще библиотечная униформа. Странно, что никто вас за нее до сих пор не прикончил.

Это было вполне себе непринужденное наблюдение, но оно застало Джесса врасплох. Он даже не думал о подобном, переживая сейчас лишь за Санти, однако в день, когда библиотечные войска пытались погрузить Филадельфию в хаос и смерть, в униформе библиотечных солдат и впрямь можно было получить взбучку от местных.

– Я позабочусь о надлежащем наряде попозже, – сказал Джесс. – Вы идете?

– Сначала я позабочусь о своих людях. Кому-нибудь еще нужна помощь? Никому? – Никто не вышел вперед для привлечения внимания доктора, так что тот вздохнул и опять повернулся к Джессу: – Твой друг тоже в библиотечной униформе?

– Да, – ответил Джесс, с трудом сумев не отвести взгляда от холодных глаз доктора. – И вы давали медицинскую клятву, пообещав помогать каждому, кому нужна помощь.

– Много лет и много ошибок назад, – сказал доктор. – Никто здесь не ждет, что я стану исполнять ту клятву.

– Никто, кроме богов.

– Ну, тогда я уверен, что и моя жизнь после смерти будет нескудной. – Высокий мужчина протянул руку и выхватил свою сумку из хватки Джесса – что само по себе было немалым достижением, учитывая рефлексy, выработанные Джессом во время военной подготовки, – и повесил на свое костлявое плечо. – Ну? Пошли. Если у тебя есть для меня пациент, показывай!

– Да, медик... То есть доктор.

– Доктор Аскьюто. Веди!

Джесс снова протиснулся сквозь толпу, ища глазами Морган. Она стояла рядом с их стражником, который явно не желал выпускать из вида их обоих и с облегчением выдохнул, когда Джесс показался вместе с высоким человеком, шагаю-

щим рядом с ним.

– Доктор, – поприветствовал его стражник. – Один из заключенных ранен.

– Ожог, парень уже сообщил.

– Да.

– Он стоит моего внимания?

Стражник пожал плечами:

– Не мне судить.

Аскьюто зашагал так быстро, что всем троем пришлось бежать, чтобы поспеть. Никто не пытался их задержать. Хаос медленно восстановился в более-менее организованные действия вскоре после того, как они отыскивали доктора, и команды рабочих теперь занимались горящими зданиями, пока другие пытались спасти, что уцелело в пожарах. Каждый занимался делом.

И, к великому облегчению Джесса, никто больше не просил помощи доктора.

Когда они подошли к парку, Аскьюто зашагал еще шире, отчего за его скоростью с трудом поспевал даже Джесс и, несмотря на свои отчаянные попытки, все равно отстал на три шага, когда они подошли к зданию тюрьмы. Когда же Джесс подошел, Аскьюто уже склонился над Санти с Вульфом.

Быстро взглянув на ожоги, Аскьюто покачал головой. Скинул свою потрепанную сумку с плеча и, не говоря ни слова, взял Санти за руку, вытянув ее, чтобы рассмотреть по-

лучше в свете затянутого теперь дымом неба. Солнце уже скоро начнет садиться, понял Джесс.

– Вы обучены? – поинтересовался профессор Вульф. Филадельфийский доктор прищурился на него, но не ответил, вместо этого посмотрев мимо Джесса на Морган, которая как раз подошла.

– Ты. Девчонка. Дай мне пузырек с зеленым и желтым шнурками, он у меня в сумке, – сказал он.

Морган открыла сумку и начала искать пузырек. Доктор отвернулся, а затем, будто что-то внезапно заметив, снова обратил на нее свой взор. Он внимательно на нее посмотрел еще раз и уже было раскрыл рот, чтобы что-то сказать.

Однако Морган опередила его и заговорила первой, не отрывая взгляда от сумки:

– Да. Я тоже чувствую ваш дар. Недостаточно сильный, чтобы отправить вас в Железную башню, но сильный. Вы единственный скрывать здесь? – Джесс понимал, что выглядит как идиот, но ему никогда даже в голову не приходило спросить, способны ли скрыватели узнавать друг друга. Он и не задумывался о подобном. Морган заметила его потупившийся взгляд, когда подняла глаза. – Лучшие медики всегда одаренные, но не настолько одаренные, чтобы стать скрывателями, – сказала она. – Он же почти достаточно силен.

– Почти, да. Я работал со скрывателями, когда был юным, помогал развивать библиотечную медицину, – сказал доктор. – И – да, я здесь единственный скрывать. Я сделал

что мог, но ты гораздо сильнее. Ты можешь усилить свойства того, что я приготовил. Так что прошу. Возможно, от тебя зависит судьба вашего друга.

Морган отыскала пузырек с зеленым и желтым шнурками – хотя они были почти что такими же бесцветными, как красный в прошлый раз, – и открыла. Опустив в жидкость палец, Морган закрыла глаза, и едва заметные золотые искры пробежали по ее коже, скрывшись в пузырьке. Затем она протянула пузырек доктору, который понюхал содержимое и кивнул, а потом вытащил мягкую кисть из сумки у себя на поясе и начал смазывать ожоги Санти. Он начали мерцать, понял Джесс, но очень бледно.

– Замечательно, – сказал Аскьюто. – Никогда больше не работай с природными свойствами, если у тебя нет в запасе времени или же недостает концентрации. Но полагаю, ты об этом и сама знаешь. Чтобы превратить яд в лекарство, нужно куда больше времени, таланта и энергии. – Он сделал паузу, чтобы посмотреть на мазь, которую наносил. Она продолжала мерцать. – У тебя и правда настоящий дар, девочка. Ценный. Лучше храни его в тайне, иначе окажешься в рабстве в Железной башне, под замком.

– Я сбежала, – сказала Морган. В награду она получила удивленный взгляд доктора, вскинувшего брови. Он указал на свою сумку, и Морган передала ее. – Вы не расскажете обо мне Беку?

– Полагаю, он и так уже обо всем осведомлен. В конце

концов, все вы прибыли сюда в сопровождении двух лондонских поджигателей. Они бы ему все уже рассказали.

Разумеется, Аскьюто был прав. Бек, должно быть, уже все знал, хотя и ничего не сказал. Пока что.

Морган ничего не ответила, однако ее быстрый взгляд в сторону Джесса говорил куда больше. Выдавал тревогу, но смешанную с чем-то еще, что Джесс не мог распознать так просто. «Она что-то задумала», – решил Джесс, и при мысли об этом ему стало не по себе. Ему не хотелось, чтобы Морган рисковала собственной жизнью.

– Я могу помочь еще, – тихо сказала она доктору. – По крайней мере, в лечении капитана Санти. Если вы позволите.

Джесс наблюдал, как Морган методично усиливает свойства каждого из лекарств доктора Аскьюто. Доктор нанес их слой за слоем. Теперь он осматривал руку капитана Санти. Санти, пока Джесс наблюдал, ускользнул в какое-то бессознательное состояние, так что если мази доктора и причиняли боль, тот ее не чувствовал.

– Вас обучали в Библиотеке, – заметил Вульф. – Однако службу вы свою покинули.

– Мой народ жил в этом городе и в его округе с начала времен, – сказал Аскьюто. – Это наши земли, и люди здесь жили как в ловушке до того, как пришли поджигатели. Им нужен был врач. Это было бы неправильно по отношению к ленапе ², если бы я сделал, как мне велит Библиотека, и

² Ленапе – коренной индейский народ, проживающий на территории США.

отвернулся от них, верно?

Джесс ничего не сказал, молча наблюдая, как доктор наносит еще один слой какой-то мази. Вульф сердито, внимательно посмотрел на Аскьюто. Не глядя на профессора, Аскьюто продолжил:

– Вы профессор? У вас тоже есть капля дара.

– Недостаточная.

Длинные пальцы доктора размазали очередную порцию мази по обгорелой, влажной плоти Санти.

– Любое количество силы достаточно здесь, – сказал Аскьюто. – Любовь и сила – это все, что необходимо. Оставайтесь с ним. Ему понадобится поддержка. – Отстранившись, Аскьюто нахмурился и снова рассмотрел руку Санти. Джессу почудилось, что доктор смотрит вовсе не с помощью обыкновенного человеческого зрения. Морган часто тоже смотрела таким же невидящим, расфокусированным взглядом. – Порядок. Если нам удастся предотвратить инфекцию, у него есть все шансы на выживание. Сможет ли потом двигать этой рукой? – Аскьюто подвигал рукой Санти, сделав движение, будто бы плечом пожимали. – Может быть. Я проведу его утром. – Он закупорил свои пузырьки и баночки, сложил обратно в сумку и остановился на миг, чтобы кивнуть Морган. – Отличная работа.

– Спасибо. Я присмотрю за ним вечером, сделаю все, что в моих силах.

Брови доктора взмыли вверх, а затем опустились в пря-

ую линию, когда он снова на нее посмотрел.

– Не делай столько, сколько, как тебе кажется, можешь, – сказал он. – Сила, она как огонь. Обернется против тебя же в мгновение ока, если не будешь обращаться с ней уважительно. Я видел, как такое случается. А ты? Если сгоришь, то сгоришь быстро.

Морган пробурчала что-то похожее на «спасибо», и доктор удалился так же быстро, как появился, шагая так резво, что все на его пути разбегались. Может, в своем плаще он и походил на заплатанное пугало, что ставят в огороде от ворон, но все же была в его походке некая странная грация. Джесс подумал, что ему бы не повздорилось, если с этим человеком пришлось бы драться. Он отчего-то не сомневался, что этот лекарь способен разорвать на куски с такой же легкостью, с какой лечит.

Морган устроилась рядом с Санти и положила руку на его искалеченное плечо.

– Профессор, – сказала она, обращаясь к Вульффу, – если позволите, я могу попробовать ускорить процесс заживления.

– Да, – ответил Вульф. – Чем скорее он снова встанет на ноги, тем лучше мы сможем спланировать наш побег из этих гадких земель. – Тон его звучал деловито, однако на лице явно читались страх и печаль – мимолетно, появились и тут же исчезли. Вульф обратил свой взор на Джесса. – Спасибо тебе. – Обыденные, кажется, слова, однако Вульф редко

утруждал себя великодушными речами, а уж тем более благодарностями, и Джесс тут же понял, как Вульф испугался потерять Никколо Санти. – А теперь позови-ка Шрайбера. Я хочу знать все.

Джесс с Томасом пересказали все новости: им с Томасом поручили задание по строительству печатного станка, остальным полагалось работать над созданием каталога книг из Черного архива. Санти теперь был не в состоянии подвергаться допросам, и Бек вряд ли решит, что все спланировано нарочно, ведь Индира своими глазами видела, какие увечья нанес греческий огонь. Так что, подумал Джесс, одной опасности удалось избежать, несмотря на то что это привело Санти к другой.

– Разумная сделка, – сказал Вульф. – Работая их переводчиками, мы сможем... утаить некоторые детали информации, которые могут быть использованы во вред.

В ответ Джесс нахмурился.

– Цензура? – сказал он. – Мы теперь будем вести себя как архивариус?

– Предпочитаешь передать Уиллингеру Беку целый арсенал инновационных технологий, которые даже Библиотека считала слишком опасными?

Если рассуждать таким образом, подумал Джесс, вряд ли с таким решением можно поспорить. Однако ему это все равно не нравилось. Он задумался, а не так ли все началось много лет назад, когда некий профессор искренне поделил-

ся с архивариусом мыслью о том, что слишком передовые изобретения могут наделать немало бед. Кто-то же разместил первые книги в Черных архивах. Теперь все записи обратились в прах, и никто не узнает ответа на этот вопрос. Однако это все равно тревожило Джесса, то, как просто ступить на скользкую дорожку во имя причин, которые в определенный момент казались логичными.

Очевидно, всех остальных подобные размышления не волновали. Вульф с Томасом продолжили обсуждение, перейдя к вопросу о том, как совладать с Беком.

– За нами по-прежнему будут следить, – сказать Томас. – Но по крайней мере не будут держать под замком. И нас будут кормить – тем, что у них имеется. А имеется у них, как я понимаю, мало чего.

Вульф удовлетворенно кивнул и сказал:

– Я поговорю с нашими стражниками, но сегодня, видимо, нам еды не полагается. Тут в первую очередь заботятся о своих горожанах. Спросим завтра. – При упоминании еды желудок Джесса недовольно заурчал, и он задумался, когда вообще ему удавалось поесть в последний раз. Похоже, довольно давно – да и немного.

Халила, Дарио и Глен, которые наблюдали со стороны, один за другим подошли. Халила опустилась рядом и положила руку профессору на плечо.

– Сэр? – сказала она. – Как он?

– Спит, – ответил Вульф. – Врач у них вполне компетент-

ный. Надеюсь, этого будет достаточно.

– Стражники говорят, что дым из здания выветрился и огонь потушили, – подал голос Дарио. – Они говорят, нам лучше переночевать там, пусть и на сквозняке. О горожанах ничего не сказали, но если мы попытаемся занять кровати в приютах, оставшемся без крова и с руинами вместо домов народу может это не понравиться. Лучше нам не испытывать удачу.

– Капитану Санти лучше отдыхать внутри, – сказал Томас, сделав шаг вперед. – Позвольте, сэр.

Вульф несколько секунд не реагировал, а потом все же кивнул и поднялся на ноги. Томас осторожно подхватил Санти на руки так, чтобы не задеть нанесенную на обожженную руку мазь. Его, кажется, совсем не беспокоил вес капитана, и все последовали за Томасом, понесшим находящегося без сознания Санти сквозь узкую дверь, ведущую в тюрьму. Морган поспешила вперед, чтобы осмотреть камеры, а затем указала на ту, в которой до этого располагался Дарио. Дарио, стоит отдать ему должное, даже не стал протестовать.

– Эта лучше всего, тут будет теплее, – сказала Морган. И Томас опустил Санти на койку. – Спасибо, Томас. Теперь я за ним пригляжу.

Томас расположил Санти головой к стене, чтобы его раненая рука могла лежать прямо и неподвижно, и теперь Морган опустилась рядом с койкой на колени, осматривая ожоги. Джесса не покидало ощущение, что она высматривает нечто,

чего сам он своими глазами увидеть не смог бы, да и пальцы ее расположились над рукой капитана в интересной позиции. Морган сделала вдох, закрыла глаза и замерла.

Вульф остановился в углу камеры, внимательно глядя на неподвижное лицо Санти.

– Мы тут больше ничем не поможем, – тихо заметил Томас, и Джесс кивнул, соглашаясь. – Лучше бы нам пойти посмотреть, что есть для нас у Бека в мастерской, где мы будем работать. Чем раньше мы узнаем, тем быстрее сможем все спланировать.

Странно, но заставить себя уйти оказалось сложно, хотя делать особо теперь было и нечего. Взгляд Джесса задержался на лице Морган – застывшем, спокойном, однако в то же время до странности напряженном. Что бы она ни делала, тем не менее, Джесс знал, что результат будет. Он почти что видел силу, энергию, квинтэссенцию – как бы это ни называли, – исходящую от нее, обволакивающую раны капитана Санти. Джесс вспомнил, что Аскьюто предупреждал Морган о необходимости не переусердствовать, и задумался, чем ей придется за свои старания заплатить. Но что бы там ни было, Морган не сдастся.

В этом Джесс с Морган были чертовски похожи.

Мастерская оказалась не чем иным, как горой мусора.

Инструменты и материалы, которыми жителям Филадельфии приходилось пользоваться, были в плачевном состоя-

нии. Тут валялись разбитые ошметки металла, оставшиеся от руин, осколки кирпичей и камней, кожаные лоскуты, которые явно перешивали и обмазывали маслом, чтобы скрыть дряхлость. Веревок не хватало, а какие имелись – бережно хранились в бочках.

Древесина, которой было очень мало, в основном состояла из обломков, использованных уже много раз. Несколько драгоценных новеньких досок, которые, видимо, вытесали из деревьев, растущих внутри городских стен, аккуратно лежали невысокой стопкой. Удивительно, что деревья вообще имелись, подумал Джесс, учитывая отчаяние местных жителей и постоянные бомбардировки со стороны Библиотеки. Бек, должно быть, жестоко наказывал за рубку деревьев.

– Все не так уж плохо, – сказал Томас, выдавив из себя улыбку, пока они осматривали груды разочарований. – Мне приходилось делать и больше, когда в распоряжении было меньше. Вон та кузница работает?

– Работает, но топлива у нас немного, – ответил стражник, который сопровождал их. – Мы не можем использовать дрова. Есть уголь. Немного. Можем принести вам Бланки для сжигания.

Джесса передернуло при мысли об этом.

– А нет никаких емкостей с греческим огнем, которые упали, но не взорвались? – спросил он. Стражник нахмурился. – Нам понадобится лишь капля или две в день. Если добавить немного к углю, то кузница нагреется так, что часами

будет горячей. Сможет даже камни жечь, если понадобится.

– Можете забрать все, что нам не понадобится, – быстро добавил Томас. – Полагаю, вы не собираетесь предоставлять нам безграничный доступ ко всему этому.

– Ты чертовски прав. И *если* господин Бек даже и согласится, вы будете держать язык за зубами. Греческий огонь в руках библиотекарей? Люди вас за такое на части порвут.

Он был прав. Библиотека являлась неустанным, безликим врагом поджигателей более столетия. Чудом было уже то, что все они до сих пор были живы, учитывая, что являлись частичкой этого самого врага. Лишь дай повод или намек на предательство, и жители Филадельфии растерзают их.

– Мы здесь, чтобы предоставить вам величайшее оружие в борьбе против Библиотеки, – сказал Томас. – Уничтожить нас – значит убить свои собственные шансы на победу.

– Я не собираюсь вас слушать. Господин Бек может думать, как пожелает. – Стражник сердито покосился на них обоих теперь уже с неприкрытой ненавистью. – Но если бы решение было за мной, мы бы поджарили вас вместе с книгами и выкинули ваши черепа за стену.

Томас переглянулся с Джессом и сказал:

– Вы же понимаете, что мы приговорены к смерти в Библиотеке? Наше убийство лишь поможет архивариусу. Вовсе не вашим людям.

Джесс добавил:

– Он говорит правду. Мы враги с Верховным архивари-

усом, и мы отыщем способ лишить его власти.

– Вы. Да вы кучка детишек.

– Вы старше нас года на три, не больше. Как давно вы сражаетесь? Полагаю, всю свою жизнь.

– Я ненавижу Библиотеку, не архивариуса. Уберите его, а прогнившая система все равно останется. Выродит другого такого же, как и он.

– Он прав. Нам придется многое исправить, чтобы гарантировать, что к власти не придет новый тиран, – сказал Джессу Томас, а затем снова повернулся к стражнику: – Как вас зовут?

– Дивелл. – Он ответил явно нехотя, точно говоря свое имя, соглашался на долгосрочную дружбу, которую заводить не желал.

– Дивелл, пятьсот лет назад Библиотека ступила на темный путь. Однако в ней до сих пор есть свет. Теперь очень тусклый, но если мы его потушим, то окажемся все вместе в непроглядной тьме.

– Не кормите меня своими вызубренными речами.

– Ну ладно, – сказал Джесс. – Бек хочет, чтобы мы построили для него машину. Как нам это сделать, если мы не можем выковать детали? Нам нужен греческий огонь или же много-много топлива. Ему решать, что нам предоставлять.

Дивелл снова сердито на них посмотрел, но кивнул, сказав:

– Я сообщу об этом Индире. Что-нибудь еще?

– Воск, – сказал Томас. – Отливать детали. Неважно, использованный или нет.

– Свечей у нас мало. Как и древесины, и любой другой хрени.

– Мы отольем вам новые свечи из растопленных, когда закончим. Много не потеряете, обещаю, – сказал Томас и потер ладони. – Господин Дивелл, пожалуйста, отдохните. Нам с моим другом нужно будет перебрать все, что здесь есть. Вечер будет длинным, и обещаю, мы не будем делать ничего интересного, разве что разговаривать и записывать, что нашли.

В свете лампы лицо Томаса обладало здоровым румянцем. И дело не только в том, что теперь они не в темнице и более-менее свободны, понял Джесс, а в том, что мастерская, пусть и никудышная, была для Томаса как дом родной, отчего он не мог дожидаться, когда сможет изучить все инструменты и материалы и смастерить что нужно из того, что есть. Томас обожал сложные задачи.

Неспешная инвентаризация Томаса заняла почти всю ночь. Дивелл изо всех сил пытался остаться на чеку, однако в конце концов уснул, пока Джесс с Томасом составляли тщательный список всего, что предоставляла им мастерская. Некоторые предметы, разумеется, вовсе не нужны были для создания печатного станка, однако все рано или поздно могло пригодиться. Как только дело было сделано, они с помощью уголька нарисовали чертеж на каменной стене здания.

К тому моменту как и чертежи были закончены, у них обоих были черные, будто о трубы терли, ладони. Когда Томас поставил последнюю точку на рисунке, они с Джессом вместе отошли подальше, чтобы полюбоваться сделанной работой в мерцающем свете одной-единственной тусклой лампы, от которой воняло использованным для жарки бекона маслом.

– Неплохо, – заметил Джесс. – Не так хорошо, как могло бы выйти, будь у нас надлежащие средства, но...

– Но и это сойдет, – согласился Томас. – Нам не нужно даже ждать дополнительных материалов. Нам обоим придется потрудиться и попотеть, но у нас получится, ведь так?

– Ага, – согласился Джесс. – Здесь должно быть достаточно древесины, чтобы построить раму, хотя не могу сказать, сколько этот прогнивший материал продержится. Затем понадобится лишь сделать пружины, пластины и шестеренки. С бумагой могут возникнуть проблемы. Полагаю, она здесь такая же ценная, как древесина.

– Почему? Они же Бланки сжигают, – сказал Томас. – Возьмем несколько и вырвем страницы.

Он был прав, и для Бланков такая судьба была бы куда лучше, чем оказаться в огне ради лишь вдохновения фанатичных поджигателей.

– Я раздобуду несколько у Бека, – сказал Джесс и сам удивился от того, как хрустнула челюсть, когда он широко зевнул. Теперь уже было не просто поздно, а скорее рано, по-

тому что приближался рассвет, и Джесс понял, что жутко устал. Он покосился на Дивелла, который ссутулился в уголке у двери. Слишком далеко сидит, чтобы услышать, и слишком глубоко спит, чтобы вслушиваться. Джесс же все равно понизил голос до уровня шепота, когда добавил: – Томас? Ты уверен, что это сработает?

– Печатная машина? Уверен, – сказал Томас. – А Луч Аполлона? Понадобится раздобыть кое-что для начала. Стекло, чтобы сделать зеркала, и так далее.

– А если не сработает?

– Тогда мы здесь и умрем, – сказал Томас. – И... Джесс? Я не выживу в клетке.

В голове Джесса тут же всплыло недавнее воспоминание того, каким Томас был не так давно: измученным голодом, дрожащим, с вымазанными грязью волосами и бородой, с которыми выглядел на десяток лет старше. Теперь Томас выглядел куда лучше, но все равно это был не прежний Томас Шрайбер. Тот мальчишка не знал, что такое отчаяние. Бледные отблески в глазах Томаса теперь говорили о том, что он никогда больше не проживет и дня без воспоминаний о прошлом. «Томасу нельзя снова оказаться в тюрьме. И Вульф нельзя». Профессор Вульф прятал все в глубине души, молчал, однако молчание его было тяжелым и многозначительным, и Джессу уже приходилось слышать, как Вульф плачет от своих ночных кошмаров.

– Сколько нам потребуется времени? – спросил у Томаса

Джесс.

– В этом... я не уверен, – признался Томас. – На печатную машину понадобится всего несколько дней. А вот Луч Аполлона... м-да. Полный день на зеркала, но сделать это нужно так, чтобы никто ничего не заподозрил, так что на это уйдет два дня, и придется вести себя осторожно. Я посоветуюсь с Халилой, чтобы рассчитать фокусировку. Еще неделя как минимум, прежде чем мы будем готовы, ну и потребуются найти какой-то сильный источник энергии.

– Тогда это моя работа. – Джесс не совладал с собой и снова зевнул, отчего улыбка Томаса стала шире.

– Хватит на сегодня, – сказал приятель и поднес мокрую тряпку к тщательно вычерченному ими на стене углем плану. Джесс сделал было вдох, чтобы запротестовать, но Томас покачал головой. – Я все запомнил. Нельзя отставлять все тут, кто-то может увидеть.

Как только стена снова оказалась чиста, Джесс подошел к Дивеллу и пнул его стул ногой, отчего стражник моментально испуганно проснулся, схватившись за оружие.

– На сегодня мы закончили, – сказал Джесс.

Дивелл пробормотал что-то, что, скорее всего было не очень дружелюбным да и вряд ли комплиментом, и повел их обратно в тюрьму.

Невозможно было точно сказать, сколько прошло времени, однако луна уже вновь опускалась по небосводу. Каза-

лось, что весь окружающий мир на высокой скорости несся в направлении утра. Джесс заглянул в прежнюю камеру Дарио, когда они проходили мимо. Санти по-прежнему спал на койке, а напротив него Джесс узнал темные кудри Морган, хотя она и уснула, повернувшись лицом к стене.

Вульф, завернувшись в одеяло, очнулся в тот самый миг, как почувствовал присутствие вошедших, и машинально потянулся к острому камешку, лежавшему рядом с его рукой. Снова расслабился, когда разглядел лица в полумраке. Откинув одеяло, он поднялся на ноги и вышел к Джессу с Томасом в коридор.

– Вы там не торопились, – сказал он. – Все получится?

– Печатный станок – да. И, может, кое-что еще, что поможет нам перебраться через стены.

Вульф выслушал, задумался на несколько секунд в тишине, а затем сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.